

1 (Дат)

M12

ИЗ ФОНДА РЕДКОСТЕЙ СТАРОЙ
КНИЖИ

200. 507. 111

Матомедов Р.

Восстание горцев
Датестана в 1877 г.

Махачкала, 1940

Электронная библиотека
Института истории,
археологии и этнографии
Дагестанского ФИЦ РАН

instituteofhistory.ru

М-12
ДАГЕСТАНСКИЙ НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ИНСТИТУТ
ИСТОРИИ, ЯЗЫКА И ЛИТЕРАТУРЫ ПРИ СОВНАРКОМЕ ДАССР

ИЗ ФОНДА РЕДКОЙ И СТАРОЙ
КНИГИ

Экз. Чит. Зала

9 (Д, ат)
М 12

Р. МАГОМЕДОВ

ВОССТАНИЕ
ГОРЦЕВ ДАГЕСТАНА
в 1877 г.

Handwritten signature or initials.

Магачкала
1910

РЕПУБЛИКАНСКАЯ
БИБЛИОТЕКА
СОСЛОВИЙ ФОНД

ДАГЕСТАНСКОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
Махач-Кала — 1940

349704

instituteofhistory.ru

ГЛАВА I

ДАГЕСТАН — КОЛОНИЯ ЦАРСКОЙ РОССИИ

25 августа 1859 г. царские войска захватили последнее убежище Шамиля — естественную крепость Гуниб и пленили Шамиля. В 1864 г. был завоеван весь Кавказ. Шестидесятилетняя героическая война кавказских горцев против царизма за свою независимость, возглавляемая демократом Шамилем, была подавлена при помощи презоскодной военной силы. Этому факту Маркс придавал общеевропейское значение. «Подавление польского восстания — говорит Маркс, — и завоевание Кавказа я считаю самыми серьезными европейскими событиями со времени 1815 года»¹.

Силой оружия народы Дагестана были присоединены к Российской империи — тюрьме народов, где вместе с многочисленными другими народностями они, перенося всякого рода унижения и бесправие, ужасающий колониальный гнет, томилась вплоть до Великой Октябрьской социалистической революции.

1

После подавления демократического движения в Дагестане и покорения Восточного Кавказа, перед царизмом встали очередные неотложные задачи по устройству завоеванного края. В основном эти задачи сводились:

во-первых, к окончательному закреплению завоеванной территории, усилению ввода в нее войск, укреплению важнейших стратегических пунктов и прокладке дорог;

во-вторых, к введению новой системы колониального управления горцами, которая ослабила бы их демократические стремления;

в-третьих, к принятию самых энергичных мер к подавлению сопротивления горцев, путем физического истребления целых обществ, ссылки главарей и т. д.

В соответствии с этим кавказское командование приступило к организации твердой власти над горцами. Первое положение об управлении Дагестанской областью было утверждено князем Барятинским 5 апреля 1860 г.² Руководствуясь этим положением и

¹ Маркс и Энгельс, Собр. соч., т. XXIII, стр. 188.

² «Полное собрание законов», стр. 36026, Указ правительствующему сенату от 16 июля 1860 г.

была введена новая колониальная система управления, именованная в официальной литературе „военно-народным управлением“. На самом деле, ничего народного в этом управлении не было. Оно было копией обычного полицейского бюрократического аппарата царизма, приспособленного к колониальной обстановке Дагестана. Эта новая полицейско-бюрократическая система управления была основана на „полном поддержании ханской власти всюду, где она существовала, на устроении в остальных частях такого управления, которое бы сохраняло уважение к личности, к старинным сословным и поземельным правам туземцев, соответственно с потребностью русской власти“¹.

Дагестанская область была образована из прежнего Каспийского края с выделением Кубинского уезда и некоторых дзгинских местечек.

„Военно-народное управление“ установило административное разделение власти в области, распределило огромное количество чиновников, произвело расстановку войск, причем все это менялось почти через каждые 2—3 года. Так например, 25 июля 1865 г., согласно приказу военного министерства, было упразднено Управление армиями Дагестаном². Вместо него образованы два военных отдела в среднем и западном Дагестане. В этом же году был издан приказ от 2 марта об учреждении Кюринского военного округа³. В 1866 году были образованы наибства в Кайтаге и Табасарани⁴, а 15 сентября 1868 г. последовал приказ военного министерства об образовании в Кайтаге и Табасарани административных учреждений⁵. Наконец, в 1872 г. снова последовал приказ военного министерства, по которому коренным образом все перестраивалось.

К началу 1877 г. в Дагестане имелись 3 военных отдела: средний, западный и южный, в составе 9 округов: Аварского, Андийского, Гунибского, Даргинского, Кази-Кумухского, Кайтаго-Табасаранского, Кюринского, Самурского, Темир Хан Шуринского, отдельное дербентское Градоначальство и особое управление портовым городом Петровском.

Отделами ведали военные начальники из штаб-офицеров. Начальникам военных отделов подчинялись по военному и внутреннему управлению военные окружные начальники.

Каждый военный округ был подразделен на несколько наибств, управляемых правительственными наибами.

Низшую административную власть на местах составляли правительственные старшины (кузбаши, дибирь) и кади.

Об этой низшей административной власти следует сказать несколько слов. Царизм с самого начала своей колониальной де-

ятельности прибегает к широкому применению местных дагестанских юридических и административных форм управления, используя для этого наиболее преданную местную феодальную верхушку. Институты наибств, старшин и кадиев, учрежденные еще Шамилем, хотя и были включены царизмом в общую сеть колониального управления, но в них было вложено другое социальное содержание, исходящее из интересов колониальной политики Российской империи. И что касается наибов, то они уже не являлись военачальниками, выбранными народом, какими были раньше, а были прямыми ставленниками царизма на местах. Иначе говоря, наиб стал полицейским, наибом-приставом. То же самое надо сказать и о сельских старшинах и кадиях.

Хотя по своей форме все эти институты унаследованы от родственных горскому устройству, существовававшему до завоевания Дагестана царизмом, но по содержанию своему они были так же чужды горцам, как и царские офицеры и чиновники всех рангов.

Для разбора дел между горцами был учрежден суд: в округах — окружной, а в области — областной суд, действовавший по законам Российской империи, с огромным штатом людей, именовавших себя „депутатами от народа“.

Учреждение судов на местах предполагало выработку судопроизводства по шариату¹. Шариатскому суду отводилось только решение духовных вопросов. В целом же все судопроизводство горцев должно было быть основано исключительно „на обычаях, адате, который, — по словам Зиссермана, — по мере установления дворянства, должен сам собою укрепляться в ущерб шариату, и тем дать средства ввести в судилище как можно больше начал гражданских и сблизить их исподволь с порядком царского судопроизводства. Ибо адат, не имея начала духовного, беспрепятственно может покоряться изменению, тогда как изменение в шариате, по самому смыслу его, составляет уже вопрос совести и верований мусульманина“². Первым шагом для этого явилось „письменное изложение адата для каждого народа с настоящими понятиями о собственности и вместе с тем согласно с потребностями русской власти“³.

Вся военная и гражданская власть в Дагестане принадлежала начальнику области, который, в свою очередь, был подчинен главнокомандующему (наместнику) Кавказа.

Таким образом, там, где раньше господствовала власть ханов — теперь были утверждены такие новые порядки и законы, с которыми горцы должны были мириться под давлением оружия. Трудящиеся горцы оказались под двойным гнетом: с одной стороны — местных феодалов, с другой — царских сатрапов.

¹ Шариат — религиозное право мусульманских народов, определяющее религиозные, брачно-семейные, гражданские и уголовные отношения мусульман, правила поведения и т. п.

² А. Н. Зиссерман, Фельдмаршал Барятинский. Русский архив т. IX, 1884 г.

³ Краткий отчет начальника Дагестанской области со времени образова-

¹ Краткий отчет начальника Дагестанской области со времени образования по 1 ноября 1864 г., стр. 4—5.

² Об управлении средним и западным отделом Дагестана, ЦВИА, оп. 286, св. 340, л. № 12, л. 51.

³ 2-е полное собрание законов Российской империи, т. 9, стр. 41897.

⁴ ЦВИА, оп. 286, св. 340, л. № 12, л. 51.

⁵ 2-е полное собрание законов Российской империи, т. 41, стр. 43610.

Наряду со всеми этими мероприятиями царизм занялся также проблемой народного образования в Дагестане. В основном мероприятия царского правительства в сфере учебного дела были связаны одной общей нитью — постоянным стремлением примирить местные, местные, религиозные и бытовые особенности края с общими духовными интересами России¹ и постепенно, путем школы провести в жизнь среди диких сынов гор и степей, как коллекторы называли гонимых крестьян, «европейско-русские начала образования и истинной гражданственности»².

Руководствуясь этим общим положением, легшим в основу устройства всего Кавказского края, царская администрация занялась организацией местных школ, насильно заводя вместо них новые школы на русском языке. В 1861 г. была открыта трехклассная школа в Дербенте преимущественно для детей торговцев и членов землевладельческой семьи в Гемри-Хан-Шуре с пансионом на 50 человек; из них 25 мест было отведено для детей почетных туземных родителей и 25 мест для детей русских чиновников.

К началу 1870 г. были открыты две две окружные школы в Цумаке на 44 человека и в Кумухе на 15 чел., а в 1871 г. по всему Дагестану насчиталось 218 учащихся.

Царизму нужно было уничтожить влияние всего местного и всего, что исходит из-за пределов империи. С этой целью он, помимо официального открытия школ, предпринимает и целый ряд таких мер, как изучение языков народов Дагестана, разработка алфавита, составление грамматик, издание букварей и т. п.

Большую работу в этой области проделал П. К. Услар, который занялся изучением языков: аварского, лакского, хюркилинского и керчинского. Он разработал первую грамматику этих языков. Ему же принадлежит практическая попытка создания для этих народов нового алфавита на основе русской азбуки.

В нашу задачу не входит научный разбор работ барона Услара. Этим делом должны заняться наши лингвисты, а мы лишь ограничимся указанием на то, что попытка изучения языков и создания грамматики и нового алфавита была шагом вперед по отношению к господствовавшему тогда арабскому языку и алфавиту.

Уже через несколько десятков лет после завоевания генерал Чернявский писал с гордостью о «новом» Кавказе, где «нет ни дикости природы, ни таинственных ее дебрей... Везде проложены удобные и безопасные дороги, тогда как за двадцать пять лет назад, начиная от Егорлыка и до Каспийского побережья, никто не мог пройти иначе, как вполне вооруженный, невиданные

дотопе нами места покрылись сетью заселенных пунктов». Покоренные племена, заявлял Чернявский, «говорят нашим языком, учатся в наших школах, заимствуют наши обычаи, привычки, нравы; русская народность царит везде со всеми своими оттенками»³.

Таким образом, политика царизма в области народного образования в Дагестане сводилась: во-первых, к руссификации горских народов, во-вторых, к упразднению местных школ и языка, и в-третьих — к ослаблению единства и сопротивлению горских народов.

Все расходы по содержанию полицейско-бюрократического аппарата казали на плечи трудящихся горцев Дагестана. Царской администрацией были специально узаконены подати и различные поборы с населения, как-то: подъемная подать, подать с пастбищ, земский сбор и повинности: чапарская, милицейская, арбяная и др.

Подъемная подать — это ежегодная подать с каждого дыма в размере от одного до трех рублей, натурой или деньгами⁴.

Земский сбор взимался с жителей Южного Дагестана по 1 р. 75 коп. ежегодно⁵.

Подать с пастбищ. Так как все пастбища находились в ведении царской администрации, то за их пользование то или иное общество должно было вносить установленную подать в зависимости от качества пастбища.

Чапарская повинность. Обязательная поставка лошадей для перевозки тяжестей из одного округа или в другое наиство и посылка конной стражи для охраны проезжающих по казенным делам⁶. Те, кто не был в силах выставить лошадей и людей, платили за это деньгами.

Арбяная повинность. Поставка обязательских подвод для перевозок по надобностям войск⁷.

Милицейская повинность. Население в течение определенного периода обязывалось нести милицейскую повинность, а с того, кто не был в состоянии это делать, взималось ежегодно по 2 рубля⁸.

Дорожная повинность. Население должно было выставлять на разработку и исправление дорог и мостов на три дня подводы и лошадей. За один только 1875 г. население выставило 3219 арб, 116 лошадей и 72179 человек⁹.

Кроме всего этого, жители Дагестанской области несли различные сверхокладные сборы — гербовый сбор, штрафы, арендные

¹ Чернявский, Кавказ в течение 25 лет царствования императора Александра II, Спб., 1838 г., стр. 43.

² ЦАУ ДАССР, ф. 2, д. № 101, за 1869 г.

³ Там же, ф. 2, д. № 127, за 1871—77 гг., стр. 29.

⁴ ЦАУ ДАССР, ф. 2, д. № 127, за 1871—77 гг.

⁵ Краткий отчет начальника Дагестанской области со времени образования по 1 ноября 1863 г.; Тифлис, стр. 31.

⁶ ЦАУ ДАССР, ф. 2, д. № 93.

⁷ Там же, ф. 2, д. № 192, стр. 5.

¹ Дагестанский сборник, т. I, стр. 190.

² Там же.

³ Крайский отчет начальника Дагестанской области, стр. 24—25.

⁴ ЦАУ ДАССР, ф. 2, д. № 127, л. 38.

⁵ П. К. Услар, Что об азбуке кавказских горцев, «Кавказ», 1863 г., № 20.

платы и др. Ко всем этим податям и повинностям, которые буквально разоряли горцев, надо еще прибавить систематические злоупотребления и взяточничество начальников округов, набов и старшин.

4

Следующим очередным шагом колониальной политики царизма был захват общественных земель и пастбищ, оттеснение горцев в глубь гор и заселение предгорий главного Кавказского хребта и предгорий Кавказа русским элементом, переселения казаков целыми станицами¹.

Лучшие плодородные земельные участки и леса, какие только были в Дагестане, отводились переселенцам. Если таких участков не было, то они покупались у туземно-феодалной знати. Так, например, согласно указке начальника Дагестанской области в 1862 г. по распоряжению заместителя Кавказа было отпущено 10 тыс. рублей для покупки в казну Юртарских земель и ускорения тем окончания дела по водворению в Дагестане русского населения². Заселение Дагестана продолжалось и в последующие годы. А в 1863 году были учреждены даже специально русские поселки в Гунибе, Карадахе³ и Дешлагаре.

Политика царизма, политика помещиков и буржуазии, — тозариат товарищ Сталин — состояла в том, чтобы насадить в этих районах побольше кулацких элементов из русских крестьян и казаков, превратить этих последних в надежную опору великодержавных стремлений⁴.

Что же касается политики переселения местного населения в Турцию, то нужно сказать, что особенно широко она была применена по отношению к черкесам и другим народностям Северного Кавказа. В Дагестане отдельные отзвуки переселения были после подавления движения, возглавляемого Шамилем, но такого массового характера, как это было в Черкессии, переселение из Дагестана не приняло. Главной причиной этому послужило то, что каждый горец, который переселялся, прежде чем переселиться, согласно директивам высших властей, должен был уплатить за себя повинностей вперед за десять лет⁵... Естественно, что не каждый горец был в состоянии заплатить такую сумму.

В отношении Дагестана был применен иной, чем в Черкессии, способ вытеснения горцев. Дагестанские горцы царизмом загонялись вглубь страны, в лишенные растительности скалистые

горы. Царизм захватывал лучшие плодородные земельные участки и пастбища, а горцев загонял, как стада, в бесплодные горы и обрекал на вымирание.

Что представляли собой эти горы, куда загонялись горцы, каковы же были природные условия Дагестана?

Почти 3/4 всей площади Дагестанской области — это гористая местность, изрезанная в разных направлениях ущельями и горными хребтами, покрытыми снегом. Земли, сколько-нибудь годные и расположенные по склонам гор, постоянно подвергались уничтожению горными потоками после каждого проливного дождя. Единственной полосой, единственным плодородным участком, который кормил почти всю Дагестанскую область, считалась долина вдоль Каспийского моря, равняющаяся приблизительно двум десяткам площади Дагестанской области. Почти вся эта долина находилась в руках беков — дворян, помещиков и казны, и так как без этой долины дагестанцам было трудно жить, то они ежегодно платили громадные арендные деньги владельцам, беря землю под пашню и для пастбы скота¹.

Каждый клочок земли в горах отвоевывался упорным трудом в борьбе с природной стихией. За недостатком полей обрабатывались не только отдельные доступные клочки земли, но и создавалось множество искусственно образованных на уступах гор небольших террас, поддерживаемых специально выложенной каменной стеною. Обработка этих небольших полей, — говорит в отчете начальник Дагестанской области, — требует невероятных усилий, и горцы добывают себе пропитание тяжелым трудом, а часть их живет в местах столь малоземельных и бедных растительностью, что, несмотря на все усилия, они едва могут произвести у себя полугодовое продовольствие, и от этого большинство их уходит в другие места снискивать себе пропитание заработками, а иногда и подаянием².

Сгоняя горцев вглубь гор, царские опричники их земли, отвоеванные в столь трудных природных условиях, конфисковали в казну. Причем существовало несколько способов захвата земли у горцев.

Первый способ — наиболее распространенный — конфискация земли у целого общества за ту или иную провинность. Возьмем для примера селение Ишкарты Темир-Хан-Шуринского округа. Во время пленения Шамиля оно было разрушено царскими войсками и жители были переселены за 3 вёрсты, а на старом месте была выстроена крепость. Между тем селение Ишкарты было расположено как раз в самой плодородной долине Каспийского побережья. Около 200-тыс. десятин земли, принадлежащей этому селению, были отведены для надобностей войск, по уходе которых населению было обещано вернуть эти земли. Обещание это действительно было исполнено, войска ушли и жители общества получили землю, но не надолго: всего 2 года сельчане пользо-

¹ И. В. Бентковский, Издатель Александр II в Никитино-Фарском отряде на Северо-Восточном Кавказе в 1811 г., СПб., 1837 г., стр. 3.

² Акты, собранные Кавказской археографической комиссией, т. XII, Тифлис, 1904 г., стр. 456.

³ Об учреждении поселков на Гунибе и Карадахе из семейных нижних чинов с выдачей им пособий по 25 р. ЦВИА, оп. 908, св. 461, л. № 23, л. 1.

⁴ И. Сталин, Марксизм и национально-колониальный вопрос, Москва,

¹ Стенографический отчет Государственной Думы второго созыва, засе-

...землей. Через 2 года является лесничий с каким-то планом объявляет, что эта земля казенная¹. После этого селению, чтобы выкупиться своей собственной землей, пришлось ежегодно платить 50 руб. аренды казне.

Аналогичный поступок имел место и по отношению к жителям Гуниба, Кураха, Кутуша, Дургели, Ханджи².

Так же поступали и с другими сельскими обществами.

Второй способ — отвод пахотных и сенокосных участков у крепости и штаб-квартиры для содержания войск и поселенцев. Этим штаб-квартиры и крепости в Дагестане было выстроено огромное количество (в Гунибе, Боллибе, Темир-Хан-Шураком округе, Дашлагаре и в других местах).

Этот любопытный документ, характеризующий этот хищнический способ грабежа пахотных и сенокосных участков:

План отвода посевных и пастбищных участков Кавказскому № 15 линейному батальону.

1. План.

Части гор. Аракчи, принадлежащей обществу селения Цата-дих, Гунса, Коло и Шабго, и были отведены для посевов и пастбищ Кавказскому линейному № 15 батальону.

2. План.

Участки земли, принадлежащей жителям сел. Хунзах, были заняты под огорода Кавказскому линейному № 15 батальону.

Помимо этого, было отведено под посев по местности Товат на 193 меры пшеницы, по местности Харахи 73 1/2 меры пшеницы.

3. План.

Участки земли, взятой у жителей сел. Хунзах и Гичичуль в 1835 году, были взяты под стройку укрепления и для хозяйственной удачи Кавказскому линейному № 15 батальону.

Это было повсеместным явлением в Дагестане.

Урезать земельный пастбищный участок у того или иного плуга для колонизаторов ничего не стоило. Постоянное урезание земель и отвод целых местностей войскам под крепость или штаб-квартиры было самым обыкновенным явлением практиковавшимся в дагестанской действительности того времени.

По просьбе командира дагестанского конно-иррегулярного полка „об отводе пастбищных мест для травяного дозольствия лошадей“ начальник Дагестанской области распорядился отвести огромные участки пастбищ, притом самые лучшие и в разных местах.

— Вот пастбищные участки, отведенные Дагестанскому конно-иррегулярному полку за 1875 г.³

По местности сел. Агач-Кала отведено 5 десятин

Джунгутай	71
Казаниш	69
Кафыр-Кумух	69
Чир-Юрт	17
Темиргой	14 1/2
Кумторкала	14
гор. Темир-Хан-Шура	29
Петровск	9
сел. Параул	14
Карабудахкент	15
Губден	12
Дешлагар	11
Каякент	11 1/2
Джемкент	16
Хан-Мамад-Кала	11
Кадир	20
Кулар	15 1/2

Третий способ — это раздача земельных и пастбищных участков, принадлежащих какому-либо обществу, в индивидуальное пользование за те или иные подвиги перед царизмом. Этими землями в первую очередь жаловалась туземно-феодалная знать, ханы, беки, наибы. Эта группа феодальной знати была наиболее надежной опорой при проведении интересов царизма в Дагестане. Сросшись с царской администрацией, феодалы Дагестана стремились свято соблюдать незыблемость той системы колониальных порядков, какие были установлены в колонии. Все эти ханы, беки, наибы вместе с царизмом подавляли малейшее проявление активности народных масс, а за это щедро награждались царизмом землей и чинами.

Приведем несколько примеров этой щедрости царизма.

По указу из правительствующего сената от 16 сентября 1875 г. депутат дагестанского народного суда майор милиции Ахмед Айдемиров был пожалован 240 с лишним десятинами земли. Вот выдержка из указа:

„По именному его императорского величества указу, данному правительствующему сенату в 16 день сентября сего года, за собственноручным его величества подписанием, в котором изображено: По-засвидетельствованию его императорского величества, главнокомандующего Кавказской армией, о свыше тридцатилетней усердной службе в офицерских чинах депутата дагестанского народного суда, майора милиции Ахмед-хана Айдемирова, все-милостивейше жалуем ему в вечное и постоянное владение... кутан Караул, Кайтаго-Табасаранского округа Дагестанской области, показанный на прилагаемом при сем плане участок, заключающий в себе двести сорок восемь десятин триста двадцать сажень удобной и неудобной земли“⁴.

За активное участие при подавлении Ункратлинского восстания в 1871 г. подполковнику Талхат Заголову⁵ и прапорщику Исал Дибиру⁶ было пожаловано по 100-десятин земли из Унка-

¹ Стенографический отчет II Государственной Думы, стр. 1787.

² Прощение бывших жителей укрепления Гуниб, л. 37; прощение общества жителей дер. Курах-Кутуш, л. 98; прощение жителей дер. Дургели, л. 158; прощение жителей общества дер. Ханджи, л. 329; „О прощениях, поданных при посещении его императорского величества в 1871 г. по-Кавказу туземцами, состоящими в ведомстве военно-народного управления“, ЦВИА, оп. 908, св. 620, л. № 45, 1872 г.

³ ЦАУ ДАССР, ф. 2, л. № 85, л. 35, 60, 65, за 1867—1874 гг.

⁴ ЦАУ ДАССР, ф. 2, л. № 200, л. 8, за 1875—78 гг.

⁵ Там же, ф. 2, л. № 187.

⁶ Там же, ф. 2, л. № 85.

динских земель. За такие же подвиги гумбетскому наизбу Алихану Гусейну было пожаловано 11 десятин 12¹/₂ саженой земли близ сел. Артлук¹.

Захват земель у коренного населения и раздача угодий колонизаторам и туземно-феодалной знати (ханам, бекам, надибам) было повсеместным явлением в Дагестане на всем протяжении колониального господства царизма. Не случайно в Дагестан после пленения Шамиля стекалась масса царских офицеров и генералов, создавших свою карьеру, искавших славы и возможности поживиться за счет трудового крестьянства гор.

Таким образом, политика царизма в Дагестане была политикой жмч, дази, разделай и властвуй, а главное—грабь и грабь...².

5

Вслед за царскими генералами в завоеванный Дагестан шел русский фабрикант и купец.

Монополизировались объекты выкачивания сырья и торговли. Начался широкий процесс ввоза и вывоза. За один только 1861 г. в горы было ввезено фабричных товаров на 100 тыс. рублей и вывезено сырья на 70 тыс. рублей³.

Главными предметами ввоза были: мука, спирт, железо, строевой лес, чай, сахар, мануфактурные товары и разные съестные припасы. Предметами вывоза были: марена, кожсырье, шерсть, рыбный товар, сушеные фрукты, грецкие орехи, шелк-сырец и др.

Наиболее наглядно интенсивность ввоза и вывоза, существовавшая в то время в Дагестане, показана в следующих таблицах.

Таблица вывоза из г. Тербента местной продукции за период с 1848 по 1865 г. (в пудах)⁴

Годы	Марена	Суш. груши	Грецкие орехи	Шелк-сырец
1848	44791	5080	9609 п. 20 ф.	—
1849	66264	6827	14535	—
1850	73632	7200	14881	—
1851	79305	16487	24457	—
1852	141138	9057	14702	—
1853	131107	16664	3155	—
1854	130396	30340	47038	1.165 п. 20 ф.
1855	123381	19934	33497	802 п. 27 ф.
1856	154183	6669	11465	819 п. 27 ф.
1857	130630	14125	44867	855 п. 27 ф.
1861	197492	1843	24967	126
1865	304211	24285	12360	88

Таблица ввоза и вывоза морем через Петровскую карантинно-таможенную заставу за период с 1864 по 1870 г.¹

Годы	Ввоз	Вывоз
1864	1.348.544 р. 84 к.	1.229.108 р. 66 к.
1865	1.198.482 р. 55 к.	79.226 р. 96 к.
1866	1.301.930 р.	60.074 р. 66 к.
1867	1.504.750 р. 35 к.	31.670 р. 37 к.
1868	1.711.744 р. 20 к.	186.644 р.
1869	2:065.525 р. 60 к.	223.823 р. 72 ¹ / ₂ к.
1870	2.248.989 р. 10 к.	294.201 р. 05 к.

Систематически росло число купцов и торговцев, проникавших во все уголки Дагестана и беспощадно эксплуатировавших горско-е крестьянство. К 1871 г. по всему Дагестану одних только купцов первой и второй гильдии насчитывалось 618 человек².

Русские купцы и торговцы становились подлинными хозяевами страны. Туземный ростовщический капитал должен был преклониться перед всемогуществом и силой русского капитализма. Местные купцы и торговцы должны были отступить на задний план, а некоторые из них являлись уже прямыми агентами русских фабрикантов, вместе с русскими купцами и торговцами, грабившими и эксплуатировавшими горца крестьянина.

Вслед за сосредоточением в своих руках монополии над объектами грабежа и выкачиванием сырья, русские промышленники стали открывать в Дагестане промышленные предприятия — фабрики, заводы и ремесленные заведения. К 1871 г. в Дагестане имелось казенных: 1 краповая фабрика, 14 винокуренных заводов, 7 известковых и 6 нефтяных частных заводов, 2 кирпичных и 2 известковых (принадлежали Абас-Мирза и Машади), 1 водочный (принадлежал тифлисскому гр-ну Артему Ксстакову), 1 пивной (принадлежал Фельшану). Помимо них были и ремесленные заведения Осипа Кубштейна, Изана Шегушева, Маликовского и сапожная артель Плоскина³.

Вскоре за покорением Дагестана царская администрация занялась разработкой и его природных богатств.

В 1861 г. было приступлено к разработке торфа около сел. Халябки Казикумухского округа, причем в самой примитивной и грубой форме. В 1861 г. была начата разработка богатого месторождения торфяника на урочище Митяйс близ Хунзаха. В течение года было добыто около 48 тыс. пудов.

С 1860—1861 г. идет усиленный процесс сплава леса в верхо-

¹ Путеводитель по Дагестану, Тифлис, 1871 г., стр. 3.

² ЦАУ ДАССР; ф. 2, д. № 127, л. 37.

³ Отчет о состоянии промышленности в Дагестанской области. ЦАУ ДАССР, ф. 2 д. № 309, л. 4—6.

¹ ЦВИХ, оп. 908, св. 501, л. № 35, за 1869 г.

² М. И. Кафринин; Доклад на Чрезвычайном XVII Всероссийском съезде Советов.

³ ЦАУ ДАССР, ф. № 2, л. № 29, л. 9.

⁴ Сборник статистических сведений о Кавказе, Тифлис, 1869 г., стр. 106.

вях Аварского Койсу, — из Ратлу, Ахваха вниз до Карадахского моста. В течение одного года было сплавлено 2700 бревен¹.

На побережье Каспия и в сел. Конхидагль Андийского округа хищнически добывалась соль, в Берикее — нефть.

Так Дагестан постепенно превращался во внутренний рынок сбыта товаров русского фабричного производства и выкачивания сырья для этих фабрик.

Под влиянием конкуренции привозимых изделий фабричного производства вытеснялись с рынка продукты кустарного производства. Оно становилось помехой дальнейшего развития. Знаменитые по своей изящности и тонкости отделки кубачинские изделия, андийские бурки, лезгинские ковры и акушинские сукна отступили на задний план. Кустари и ремесленники, под влиянием конкуренции фабричного производства, разорялись. Росло отходничество людей, искавших средства для существования.

Земельная теснота и разорение кустарных промыслов вынуждали горцев искать себе другие занятия. Масса горцев из Казиндуха, Кубачей, Ундукуды, Алушты, Анди и других аулов в поисках заработка бродила по всему свету.

В пореформенную эпоху, — как отмечает Ленин, — происходила, с одной стороны, сильная колонизация Кавказа, широкая распродажа земли колонистами (особенно в северном Кавказе), производившими на продажу пшеницу, табак и пр. и привлекавшими массы сельских наемных рабочих из России. С другой стороны, шло вытеснение туземных вековых „кустарных“ промыслов, падающих под конкуренцией привозных московских фабрикатов. Падло старинное производство оружия под конкуренцией привозных тульских и бельгийских изделий, падала кустарная выделка железа под конкуренцией привозного русского продукта, а равно и кустарная обработка меди, золота и серебра, глины, сала и соды, кож и т. д.; все эти продукты производились дешевле на русских фабриках, посылавших на Кавказ свои изделия².

Русский капитализм втягивал таким образом Кавказ в мировое товарное обращение, нивелировал его местные особенности — остаток старинной патриархальной замкнутости, — создавая себе рынок для своих фабрик³.

6

Основной опорой царизма в Дагестане была туземно-феодалная знать. Царизм, опираясь на нее, укреплял свое колониальное господство, назначал из ее числа начальников округов и нанбов. Эта знать торжественно награждалась орденами — военными и гражданскими.

Следует отметить двойственную политику царизма по отноше-

¹ Отчет по занятиям и действиям войск в отделах Кавказского края, относящихся до военного управления с 1 апреля 1861 г. по 1 апреля 1862 г., ЦВИА, оп. 286, св. 233, д. № 19, п. 144—145.

² Краткий отчет начальника Дагестанской области, стр. 52.

³ Ленин, Сочинения, т. III, стр. 463.

⁴ Там же, стр. 464.

нию к туземно-феодалной знати. В начале своей деятельности царизм укрепил в Дагестане ханскую власть на местах, а там, где ее не было, искусственно насаждал ее. Это был период, когда царизм держал горцев, опираясь на помощь и преданность дагестанской феодалной знати в то время, когда велись наступательные действия на западном Кавказе, а положение царизма на восточном Кавказе было еще шаткое. В этот период царская администрация делилась политической властью с ханами и беками. Этому требовала обстановка. Нужно было подготовить почву для прочного хозяйничанья.

Когда же царизм со своей политикой блокады прочно укрепился в западном и восточном Кавказе, все ханства к 1867 г., как самостоятельные политические единицы, были упразднены и перестали играть самостоятельную политическую роль. Иначе не могло и быть, ибо Дагестан представлял собой уже часть Российской империи и в нем вводились такие порядки, какие были наиболее выгодны для царизма.

Бывшие владельцы, впрочем, от этого ничего не потеряли. Их права на эксплуатацию горского крестьянства не были ущемлены. Каждому владельцу была назначена пожизненная пенсия и отведены лучшие земли и пашенница.

Так, например, бывшим владельцам Кайтаго-Табасарани: полковнику Ахмедхану была назначена пожизненная пенсия в 500 руб. и отведено в Кайтаге 1523 десятины земли; майору Эльдаркди — пожизненная пенсия в 400 руб. и земли 497 десятин; подполковнику Султан-Ахмед-беку — пожизненная пенсия в 400 руб. и 500 десятин земли.

Мехтулинскому Рашид хану было выдано одновременно 10 тыс. руб. и пожизненная пенсия в сумме 2 тыс. руб.

Князь Шамсудин тарковский был зачислен в свиту его величества и произведен в генерал-майоры. Ему была установлена потомственная пенсия в размере 5 тыс. руб. и дано одновременно 7 тыс. руб.

Юсуф-беку кюринскому было одновременно выдано 1618 руб., назначена пожизненная пенсия в 5 тыс. руб. и отведено 4 тыс. десятин земли.

Ибрагим-хану аварскому было выдано одновременно 30 тыс. руб. и назначена пожизненная пенсия в 4 тыс. руб.

Основная же масса крестьянства гор от того, что бывшие владельцы Дагестана были в отношении политической власти несколько ущемлены царизмом, ничего не выиграла. Наоборот, трудящиеся массы, подпав под тяжесть двойного гнета, оказались поставленными в еще худшие условия существования.

Реформа 13 ноября 1868 г., широко звучавшая в устах царской администрации, как действительное освобождение крестьян, была проведена в интересах кучки ханов и беков. Согласно реформе 1868 г. кулы и каравашы (рабы и рабыни) в количестве 598 человек⁴ были освобождены сверху, а крепостное крестьян-

⁴ Освобождение бесправных рабов в Дагестане, „Сборник сведений о Кавказских горцах“, т. I, стр. 40.

стао оставалось зависимым от своих владельцев. Кулы и караванши были освобождены на правах выкупа наподобие унаугов¹ в Кабарде.

Для обоих родов была установлена выкупная плата с 6-летним сроком в следующем размере: за кулы от 12 до 20 лет, по 10 руб. за каждый год, от 20 до 50 лет — 200 руб. и от 50 до 60 лет — 50 руб.²

Фактически все зависимые сословия в Дагестане (раяты, чагары, лаги, низшая узденская группа) вплоть до самой Великой Октябрьской социалистической революции оставались на положении крепостных.

В Дагестане с приходом царизма еще больше усилился патриархально-феодалный гнет. Повсюду господствовала барщинно-отработочная система эксплуатации горского крестьянства, причем в каждом отдельном районе имелись разнообразные формы и методы эксплуатации горского крестьянства. Царская администрация специально узаконила подати и повинности, которые должны были отбывать крестьяне на „своего“ владельца.

Патриархально-феодалный гнет, умеренно культивировавшийся царизмом, царил по всему Дагестану. Так, например, табасаранским бекам райские жители (крепостные) должны были отбывать 32 повинности³. То же самое имело место и в Кюринском округе в селениях Бар-Баркент, Газаркент и Бильбилкент.

Не менее было и положение теркемейских райтов. На основе узаконенных отношений между райтами и беками вся теркемейская земля вместе с лесами и водой признана была собственностью бека. Жители теркемейских деревень права на землю и воду не имели. Бек по своему усмотрению землю, воду и пастбища у одного убавлял, а другому прибавлял. Райт не может промолвить слово или жаловаться на большинство и на малость находящейся в его пользовании земли; в обоих случаях должен быть дозволен тем, что имеет⁴.

В таких же зависимых отношениях находились жители сел. Гелли. Геллинцы должны отбывать повинности своим бекам летом все полевые, а зимою доставлять из каждого дома по три арбы дров, независимо от общих повинностей⁵.

Двойной гнет — гнет царской администрации и туземно-феодалной знати давил население. Царская администрация в союзе с туземно-феодалной знатью преследовала и эксплуатировала трудящихся горцев, отнимала у них посевы, покосы, леса, и пастбища.

„Разумеется, такая политика, — говорит тов. Калинин, — разоряла

¹ Крепостные.

² По делу освобождения зависимых сословий в Кумыкском округе. „Архив канцелярии наместника Кавказа“, д. № 66, л. 84.

³ Комиссия для окончания сословно-земельных дел в частях Кавказского края, там же, д. № 12, л. 12.

⁴ Там же, д. № 12, л. 13.

⁵ Промение уполномоченных от 15 домов жителей сел. Гелли, ЦВИА, оп. з. 620, д. № 45 за 1872 г., л. 493.

крестьянство национальностей. Оно теряло все надежды. В его глазах его собственная работа делалась беспечной. Систематический грабег земель, непосильные налоги, грубый произвол властей, постоянное унижение — все это вело не к развитию, а к деградации хозяйства, а тем самым и к деградации целых народов⁶.

Трудно было горцу-крестьянину при отсутствии средств существования переносить все эти тяжести колониального гнета. Об этом свидетельствовали многочисленные жалобы, написанные заместителю Кавказа, не говоря уже о жалобах, поданных местной властью.

В одном из прошений, адресованных наместнику Кавказа, жители сел. Махрага Кайтаго-Табасаранского округа просят освободить их от угнетения и насилия помещиков-беков, „так как они беки страшнойшим образом угнетают, притесняют нас, так например: они произвольно по своему усмотрению назначают налоги на кулы, на яйца, на дрова, на угли, даже с каждого молодого, который думает жениться, берут по 10 руб. Со дня назначения в табасаранском округе начальником насилия еще более усилилось. Могут ли быть сильней притеснения, как лишиться имущества отца, брата до их смерти. Помещики и беки везде и у всех своих крестьян являются прямыми наследниками, полноправными хозяевами, благодаря такому безграничному произволу наших беков мы со своими семействами сделались положительно нищими: бродягами, никакую собственность не имеем, ходим голыми. А когда жестокость, бессердечность их доведет нас до того, что мы выражаем желание жаловаться, они нас бьют, лишают свободы...“⁷

Таково было положение крестьянина-горца южного Дагестана. Не лучше приходилось крестьянам и в нагорном Дагестане — в Кизил-Юртовском, Андийском, Гунибском, Аварском и других округах. Там бесчинствовали те же ханы и беки, там издевались над людьми те же чиновники царской администрации.

Для любого хана и бека ничего не стоило убить или изувечить горца-крестьянина. Приведем такой случай. К Ибрагим-хану аварскому явился в числе нескольких своих односельчан такитинский житель „с просьбой об освобождении от платежа подати за пользование горою, принадлежавшей хану“. Когда такитинец начал говорить об этом, просьба его показалась хану такою дерзкою, что он, не отвечая на слова, ударил говорящего по голове кистем, налитым свинцом. Такитинец „без чувств упал, его вынесли из ханского двора мертвым и на пятый день он умер“⁸.

Характерен ответ дидойцев об их жизни, данный Воронову, представлявшему по Дагестану в 1867 г. Когда путешественник задал им вопрос: как вам живется? — Дидойцы громко заявили, что „хлеба у них своего на год не стает и овцы мало

⁶ М. И. Калинин, Доклад на Презычайном Учен. Дагестанском съезде.

⁷ Дело комиссии для окончания сословно-земельных дел в частях Кавказского края, там же, д. № 12, л. 13.

⁸ По отъезду е. и. в. ком. кавк. армией об отстранении фальшивых дидойцев от управления Аварией, ЦВИА, оп. з. 620, д. № 45 за 1872 г., л. 493.

и лес плох, и пастбищ нехватает, а к тому еще зимы длинные и снежные, утки и ушеля лишаются снегом на 2—3 ханских арша из глубилою, а тут еще вострую случаются завалы. Словом, жи совсем плохи".

Вот как описывает Верков свои впечатления после посещения горских дач: "Присутствие их развалин, или же скудность угодий, лежащих по вышнему краю лесной полосы ушеля и только изредка изредкахих частыхугольных или крошечными нахотных полями, но впечатлений, на естественном виде здесь мест, бы самого горного свойства. Наванта и жесткость".

И наиболее правильную картину положения горца-крестьянина описывает в отчетном письме к императору за промежуток времени 1870—1871 гг. в связи с кризисом прошения жителей различных обществ Дагестана, в том числе Александру Потемкину его предводитель Кавказа в 1871 г.

В одном из этих писем от всего индийского джамаат горцев: "Мы, живущие в долине Фанго, недоумеваем, почему не имеем земли для хлебопашества, почему единственного средства к существованию — для нас. Мы просим Вас, Ваше Императорское Величество, вернуть их и позволить владеть им по справедливому праву".

В другом прошении одного Даргинского общества говорится: "Мы довольны нашим начальником кн. Баратовым, но недовольны тем, что не имеем достаточной земли для хлебопашества, воспитываем свой скот в чужих зимовниках в зимнее и лето время".

В прошении жителей общества Цудахар прямо говорится: "Мы не имеем земли для хлебопашества, не имеем гор для содержания на них наших стад, не имеем зимовников для скотоводства, не имеем леса для вырубни из него дров".

То же самое говорится и в прошениях жителей селений Ханжи и Ханджи Казикумукского округа. Так например жители с. Ханжи жалуются, что в результате основания крепости на этой земле, они поставлены в самое стеснительное положение, в то, что через незначительное время, чина гарнизона и крепости вызвали к себе своих жён, расплодилось, множились наши нужным основать деревню перед крепостью, снабдили рогатым скотом, курицами, гусями и свиньями и захватили в нашу землю, из которой в руках наших не осталось ни одной вершка".

Таково было положение жителей нагорного Дагестана.

¹ Из путевых записок по Дагестану. Сборник сведений о кавказских горцах, вып. 1, стр. 13.

² Там же, стр. 16.

³ Прошение всего индийского общества, ЦВИА, оп. 268, св. 620, л. 28 л. 369.

⁴ Прошение всего общества Даргинского округа, там же, л. 349.

⁵ Прошение жителей общества Цудахар, там же, л. 303.

⁶ Прошение жителей сел. Хурок, там же, л. 17.

⁷ Прошение жителей дер. Ханаджи, там же, л. 329.

В результате варварского колониального гнета горцы Дагестана были поставлены в самое безвыходное положение, лишены всякой возможности экономического и культурного возрождения, ни были готовы на все, готовы были оставить родной край, куда пойдешь? К кому обратиться, когда кругом был полицейско-бюрократический режим — режим рабства, стоявший с оружием в упор за "святые" законы и царские порядки? Дагестан стал колонией царизма, а жители его были всего "инородцы", и должны были покорными, как животные, — так требовала царская администрация, так гласили имперские законы и так отвечал главнокомандующий (наместник) Кавказа на все жалобы населения.

В течение одного года жители сел. Махрага Кайтаго-Табасарского округа подали 10 жалоб о своем тяжелом безвыходном положении. Четыре жалобы наместнику, одну — в земельную комиссию, пять — начальнику Дагестанской области. Ни на одну жалобу они удовлетворительного ответа не получили. В конце концов жалобы махрагинцы заявили наместнику Кавказа: "Позавидством даже над животными назначены покровители, неужели и люди, стоим ниже их, что не имеем никакого покровителя, все наши прошения и заявления остаются без последствий". Таково было отношение царской администрации к жалобам и требованиям трудящихся горцев Дагестана.

Положение горского крестьянства все более и более ухудшалось. Об этом свидетельствовал постоянный рост недоимок. Горское крестьянство, лишённое земли, пастбищ, не в силах было снести тяжесть расплаты с царской администрацией. Ежегодно за него числилась огромная сумма недоимок — подымной подати, земного сбора и других сверхокладных повинностей. Только за 71 г. по всему Дагестану числилось недоимок на сумму 5.107 р. 21 коп.

О тяжелом положении местного населения свидетельствовали систематические просьбы жителей Дагестанской области о разрешении переселиться в Турцию. С просьбой о переселении общались целыми семьями, а иногда и целыми родами. Царская администрация разрешала переселиться, но с условием покинуть права возвращения когда-либо на родину и потери права на все недвижимое имущество и на землю. Несмотря на это, в начале 1870 г. с просьбами о переселении обратились из Темир-Шуринского округа 22 семейства, из Мекегинского наместничества — 4 семейства, из Куллинского наместничества — 2 и из Гангинского — 60 человек. В 1872 г. переселилось 120 семейств, в 1876 г. — 179.

О невыносимом гнете свидетельствовали и постоянные восстания. В течение 18-летнего периода после покорения Дагестана

¹ Комиссия для окончания сословно-поземельных дел, л. № 12, л. 287.

² ЦАУ ДАССР, ф. 2, л. № 116.

³ А. П. Берже. Выселение горцев Кавказа. Русский вестник.

царизмом горцы восставали 8 раз. Восстания вспыхивают в 1860—61, 1862—63, 1864, 1866, 1871, 1876 гг. и самое крупное— в 1877 г.

Все эти обстоятельства обуславливали обострение классово-национальной ненависти основной массы крестьянства гор к царской администрации, ханам и бекам.

ГЛАВА II

БОРЬБА ДАГЕСТАНСКИХ ГОРЦЕВ ЗА СВОЕ ОСВОБОЖДЕНИЕ ДО ВОССТАНИЯ 1877 г.

После пленения Шамиля борьба трудящихся горцев Дагестана против царизма далеко еще не была закончена. Борьба продолжалась, вспыхивая то в одном, то в другом обществе. События на Гунибе в 1870 г. означали лишь формальный исход борьбы в нервной схватке.

Под ружейным и артиллерийским обстрелом дагестанские общины вынуждены были подчиниться царской администрации, но это была лишь внешняя покорность, в душе же каждого существовала огромная злоба, ненависть к царским генералам, офицерам, выработанная многолетней борьбой. Отсюда понятно, почему горцы с таким геройством и отвагой боролись с царскими опричниками и после покорения.

Многие общества не считались с установившейся в Дагестане официальной царской властью; а некоторые, вроде Ункратлинского общества, не признавали ее власть до 1861 г. находились вне всякой административной зависимости.

В отчете начальника Дагестанской области за 1861 г. указывается на наличие трех разрядов населения гор:

Первый разряд—население, изъявившее царизму покорность только в 1859 г., а до того весьма продолжительное время ведшее с царизмом ожесточенную борьбу.

Второй разряд—население, хотя уже давно считавшееся в управлении царизма, но мало покорное и частью оставшееся вне всякой административной зависимости царской администрации до 1860 г.

Третий разряд—население, давно уже находившееся в зависимости от царской власти и „вполне“ подчинившееся ей¹.

Эти факты сами по себе говорят о той напряженной политической атмосфере, которая имела место с самого начала покорения Дагестана.

Царское командование видело, что одно только установление полицейско-чиновничьего режима далеко еще не говорит о полной покорности горцев. Бывший главнокомандующий кн. Евратинский в свое время говорил, что „для полного замирения кавказского населения нужно, чтобы после покорения его проис-

по крайней мере двадцатилетний период совершенно мирной жизни, в продолжение которого горские общества не имели бы ни средств, ни побудительной причины к восстанию“, и что „на управление горцами следует смотреть до того, как на продолжение их покорения и считать необходимые для того расходы издержками кавказской войны“².

Царское командование после подавления Шамиля вело политику дальнейшего покорения дагестанских горцев, закрепления покоренного края. Для этого царизм занялся укреплением важнейших стратегических пунктов и прокладкой дорог вглубь гор.

Начальник главного штаба кавказской армии ген.-ад. Милютин в своем письме к начальнику Дагестанской области кн. Мелихову от 17 августа 1860 г. указывает, что „мы слишком медлим устройством укреплений в Дагестане, и остаюсь при прежнем моем убеждении, что одни дороги без укрепленных пунктов не обеспечат нашего положения в крае в случае какого-либо неблагоприятного оборота дел“³.

Генерал же Милютин неоднократно высказывал в своих письмах следующие мысли:

„Для этого говорит о том, что политика продолжения покорения горцев снова стала во весь рост перед царским командованием. На Северо-восточном Кавказе снова начинается, с одной стороны, война за дальнейшее покорение горцев, а с другой—беспрерывная волна восстаний горцев против царизма. Это было новое движение горцев, уже формально вошедших в состав России“.

Если шестидесятилетняя борьба кавказских горцев, которая велась племенами еще независимыми, наносила тяжелые удары по царизму как бы извне, то новое движение наносило удары уже изнутри.

Основная особенность борьбы дагестанских горцев во второй половине XIX века, в отличие от шамилевского периода, заключалась в том, что здесь меняется самый характер движения. В этот период речь уже идет не об отражении наступления завоевателя, а о свержении господствующего режима царизма в Дагестане. При этом и среди самого населения Дагестана происходят глубокие классовые изменения в сторону дальнейшей дифференциации движущих сил. Одна часть горцев (наиболее многочисленная), придавленная невыносимым колониальным гнетом, становится на путь прямой борьбы с царизмом. Другая часть в лице местных национальных верхов—хачов, беков, наибов, старшин, кадиев и пр., объединяется с царской администрацией для совместной борьбы с восставшими горцами. В этой обстановке происходит вся борьба горцев Дагестана в течение второй половины XIX века.

В этой борьбе горцы прекрасно знали, что за каждое выступление они заплатят кровью, но без сопротивления они не

¹ „Отчет начальника Дагестанской области за 1861 г.“, ЦАУ ДАССР, ф. 2, д. № 29, стр. 41.

² „Краткий отчет начальника Дагестанской области со времени образования ее по 1 ноября 1863 г.“, стр. 5.

³ „Акты, собранные Кавказской археографической комиссией“, т. XII, Тифлис, 1904 г., стр. 149.

хотели отдать свою свободу. Свобода и независимость — вот к какой цели стремились горцы. Во имя этого они с оружием в руках боролись против эксплуататоров.

При каждом удобном случае царская администрация пыталась «обезоружить» горцев, лишить их средств самозащиты. Но горцы были так прикованы к оружию, что обезоружение для них было горцем означало не что иное, как лишение куска хлеба. Горец всегда дорожит оружием, ему это нужно было для защиты своей независимости от иноземцев-захватчиков, для борьбы против царских приращников и их ячеек — ханов, бексов и старшин. Показателен один из эпизодов, имевший место в момент покорения Дагестана, который достаточно хорошо характеризует отношение горцев к оружию и к царизму.

Дело было связано с одним аутом, который восстал против царской администрации. Для наказания жителей этого аула был послан отряд числом около 1500 человек. Полковник командовавший отрядом, не имея власти в ауле, приказал всем жителям выйти из аула в условное место недалеко от аула и оставить свою собственность. Шамиль, бывший в условленном месте, в полном вооружении, приказавшему его не поправилось и он потребовал сдать отрядам провизии и стал угрожать, что в случае отказа он употребит силу. Тогда из среды повстанческих горцев один человек вперед и кричал: «Мы знаем, что вы сильны, что нам опасно с вами бороться, мы знаем даже, что все будет легко покорены в случае вашего вступления, и Шамиль не уйдет от ваших рук. — мы все это знаем, но оружие все таки не можем выдать». Видя, что солдаты готовятся к сражению, он кричал: «Что есть, мы оружие выйдем, если будете заставлять, но не будем выдавать, как вот таким образом», и при этом он прицелился и выстрелил в близстоявшего офицера и потом бросил выстрел в ноги полковника¹.

Вот какова была «покорность» горцев и для чего нужно было горцу оружие.

В то время, как царизм был занят неустойчивыми действиями на западном Кавказе против остатка демократического движения и приступил к «систематическому заселению гор казачьими станицами», переселяя горцев на плоскость, на восточном Кавказе происходят постоянные волнения среди горцев. Восстания против царизма происходили то в Дагестане, то в Закаталах, то в Чечне, причём все более угрожающий характер.

В 1850 годах среди горцев началось широкое распространение прокламаций с призывом бороться с «гурами» — с царизмом.

С половины 1860 г. восстания в различных пунктах Чечни и Дагестана не прекращались в течение нескольких лет.

События, происходившие в это время в Дагестане и Чечне, в известной мере предвещивали успешному продвижению даризма

¹ Среди горцев Сев. Дагестана (из дневника гимназиста, который записал случай у одного очевидца этих событий), «Сборник сведений о кавказских племенах».

на западном Кавказе. Постоянные карательные экспедиции в горы отакали значительную часть войск от прямого их назначения.

В начале мая 1860 г. восстание вспыхнуло в Ичкерии и в Аргунском округе. Предводителями были: бывший чеченский наиб Ума Дув, Атабай и Байсунгур. В ночь с 7 на 8 мая до 50—60 семейств бенойцев, оставив свои аулы, направились в нагорную часть Ичкерии. Укрепившись в горах, они стали систематически производить набеги на административные центры. Горы Ичкерии явились тем местом, куда стекались все те, кто был недоволен царским режимом. Число восставших росло, положение становилось все более угрожающим. Начальник Терской области граф Евдакимов вынужден был написать начальнику Дагестанской области, что он опасается всеобщего восстания и просил быть готовым к помощи².

События в Чечне не могли пройти мимо обществ, расположенных по соседству. Волнения в Чечне оказали сильное влияние на дальнейший ход событий в Дагестанской области. Дагестанские горцы с «живейшим сочувствием следили за развитием событий в восставших Терской области. В Дагестане также шла усиленная подготовка к восстанию, везде чувствовалось сильное брожение. Среди горцев оставалось много приверженцев царизма, готовых в любой удобный момент встать во главе нового могучего движения.

Имея в виду важность последствий этого движения и возобновления «моридизма», царская администрация в Дагестане приняла самые энергичные меры к устранению «вредных... преувеличенных слухов...»³.

С этой целью начальник Дагестанской области вместе со всеми местными начальниками «провел все лето 1860 г. в разъездах по краю и лично объяснял посещаемым обществам неосновательность ходивших в народе толков, и выгоды, которые они могут ожидать от спокойного состояния их страны»⁴.

Несмотря на угрозы экзекуции и принятые царской администрацией меры, в Ункратльском обществе вспыхнуло восстание, во главе которого встал бывший старшина при Шамиле, житель сел. Моршин Каракул Магома. Первые сигналы о восстании были даны в октябре 1860 г. после убийства горцами солдат пехотного полка. Начиная с октября 1860 г. до марта 1861 г. горцы постоянно пытались пробиться в сторону Кахетии с целью поднять восстание среди ближайших племен. В мае в Тинадальском лесу арестованные напали на лагерь трех рот Куринского пехотного полка и убили всех до одного солдат. После этого происшествия в ближайших обществах обнаружилось «сильное брожение умов»⁵.

Каракул Магома в глазах народа становился все более по-

² «Краткий отчет начальника Дагестанской области», стр. 58.

³ Там же, стр. 59.

⁴ Там же, стр. 59.

⁵ Там же, стр. 58.

⁶ Там же, стр. 59.

дулярным. К нему начали перебегать люди из верхнего Дагестана. Движение приняло опасные размеры¹. При благоприятных обстоятельствах и остальная масса нагорного Дагестана была готова присоединиться к уйкузлинцам.

В 1866 в верхнем Дагестане у Купринского озера имело место крупное кровопролитие на отряд гренадерской дивизии. После этого имя Каракул Магомы сделалось настолько популярным, что его стали восхвалять, придавая ему силу святости. Опасаясь дальнейшего распространения восстания, царское командование направило в горы ряд экспедиций и войска для борьбы с восставшими. Была мобилизована и местная милиция.

В результате восьмимесячных непрерывных карательных экспедиций восстание было подавлено. Каракул-Магома вместе с несколькими горцами горцев был захвачен царскими войсками.

Вскоре было подавлено восстание и в Чечне.

Однако не прошло и 4 месяцев после подавления этого восстания, как учредившие восстание вторично. Восстание длилось с июля 1867 по февраль 1868 г.

В следующем году двоюродный брат известного Кибит-Магомы, братан Казим-Магома, войдя в сношение с некоторыми действительными даями, делает попытку поднять восстание в Андийском округе. Однако царская администрация разузнала через своих лазутчиков о готовящемся восстании и Казим-Магома был сослан на постоянное жительство в Россию.

В 1868 г. вспыхивает восстание как в восточном, так и в западном Кавказе.

Весной 1868 г. происходит восстание в Закатальском округе, тогда еще находившемся в подчинении начальника Дагестанской области. Это был протест против колониального гнета царизма, конфискации земель, насильственного крещения, злоупотреблений и насилия местного начальства.

С самого начала установления царской власти в Закаталах царизм занялся грабежом общественных земель, насильственным обращением мусульман в христианство. При этом полицейско-чиновничья власть обещала всем мусульманам, принявшим христианство, кое-какие поземельные выгоды. Однако даже после насильственного принятия христианства положение не улучшалось. В Закаталах попрежнему царили земельная теснота, нищета, голод. Жители, принявшие христианство, потребовали исполнить обещания, но ничего не добились. Положение ухудшалось. Тогда обманутая масса потребовала обратного перехода в мусульманство². Пачина и духовенство в ответ на требование масс еще больше усилили дальнейшее обращение в христианство, применяя при этом самые разнообразные формы издевательств и насмешки над туземцами. Вот как передает это Пурцеладзе, живой свидетель этой жуткой картины. „Полицейское начальство,—говорит Пурцеладзе,—три раза принималось сечь одного пожилого

мусульманина, нежелавшего обратиться в христианство. Многие были свидетелями того, как приводили солдат и артиллерию для сгона нежелающих креститься в луже³.”

Ответом на нажим царских колонизаторов было восстание.

Непосредственным поводом к восстанию послужил, с одной стороны, перенос административного центра из Соцхенис в крепость Закаталы. Жителям из-за ничтожной жалобы приходилось ездить за 100 верст. В результате прездки они теряли 3 дня, а кроме того нужно было еще прокормить лошадей, себя, да и жалоба оставалась без последствий. Другим поводом к восстанию послужила постройка церкви в Белаканах. Под эту постройку было отведено огромное количество конфискованной у горцев земли.

Подготовительная работа к восстанию велась в массах усердно. Еще джарский житель Бурджа-Али, получив „духовное образование“ в Дагестане, возвратившись на родину, начал усиленно проповедовать идеи борьбы с царизмом. Почва была накалена, проповедника слушали внимательно, число сторонников все увеличивалось. Вскоре к нему прикочил Тантия-Магома гумбетовский—очень влиятельный лидер и другие. Тайные сборища происходили в Талачинских лесах. С наступлением весны довольно значительная часть населения Закаталы была уже готова драться с царской администрацией.

Газават населением был принят, нужно было им руководить. Таким руководителем масса выбрала себе Хаджи-Муртуза.

3 июня от имени Муртуза поскакали гонимые с призывом к всеобщему восстанию, а 4 июня четыре тысячи горцев уже штурмовали крепость Закаталы.

Царская администрация забеспокоилась. Генерал Шаликов немедленно поспешил с отрядом на выручку крепости, но на пути отряд был истреблен восставшими, а генерал Шаликов по дороге был убит в бою.

К 20 июня для подавления восстания с двух сторон были двинуты войска под командой главнокомандующего войсками Дагестанской области кн. Меликова и генерал-адъютанта кн. Орбелиани.

Восстание было подавлено силой оружия. Была учреждена комиссия военно-полевого уголовного суда, приговоры которой утверждались на местах и немедленно приводились в исполнение, через виселицу. В результате решения суда „семейства осужденных были сосланы“, дома их разрушены, сады вырублены, земли конфискованы⁴.

Хаджи Муртуз с несколькими приближенными бежал в горы и долго скрывался в Белокавказских лесах. Его присутствие грозило вторичным восстанием в Закаталах и по этому царская администрация приняла всевозможные меры к окружению Муртуза. За его поимку была объявлена награда, за его голову обещали 3 тыс. руб., но все это не действовало. Лишь 8 февраля сам

¹ С. Эсадзе. Историческая записка об управлении Кавказом, т. I, Тифлис, 1907 г., стр. 211.

² Там же, стр. 208.

³ Краткий отчет начальника Дагестанской области, стр. 59.
⁴ С. Эсадзе. Историческая записка об управлении Кавказом, т. I, Тифлис, 1907 г., стр. 211.

Хаджи-Муртуз явился в Закаталы к начальнику округа Стблето-
ди и впоследствии был сослан в Россию.

Одновременно с восстанием в Закатальском округе происходит
восстание и в Андийском округе. С напруженным вниманием гу-
мбетовцы следили за ходом событий, готовые в любую минуту
перейти к восставшим. В некоторых местах брожение
было до того сильно, что начальник среднего Дагестана
вынужден был сосредоточить войска в различных пунктах.
Многие из жителей Гумбетовского общества присоединились
к восставшим. Закатала, а остальная часть собралась около села
Шавду и стала совещаться о том, что и предпринять. Они
решили идти на окружное управление в Ботлихе и на роту
Гюваширю у джаровни Туюк¹.

После этого восстания дошли киды ссылки Каза-Магомы и вы-
зов в Телар-Хан-Шуру Кибий-Магомы.

В своем восстании гумбетовцы немедленно сообщили специ-
альным лицам в Тифлисе и Чечне, приглашая присоединиться
к движению. Однако широкого развития это восстание не приня-
ло и было вскоре потушено. Руководители были захвачены и
отправлены в Шуру или ссылки в Россию.

Так из года в год крутилось Дагестан боролось за свое
освобождение. Несмотря на террор, экзекуции и ссылки, приме-
нявшиеся царской администрацией, эта борьба не только не пре-
кратилась, а принимала все более острый характер.

Уже в 1863 г. восстание вспыхнуло в верхнем Кайтаге. Пово-
дом послужило взыскание Каракайтагского и Уркарахского наи-
бского управления, учредившего начальником округа кн. Андрон-
чиковым, вызвавшего на китегарические протесты населения.

Жители Кайтага во главе с Магомед-Кадием обратились ко
всем властям округа с призывом истребить в Маджалисе всех чи-
нов наибского управления.

Назначившаяся восстание было однако во время обнаружено и
подавлено в самом зародыше.

Наиболее крупным из всех восстаний, предшествовавших
1871 году, было восстание в среднем Дагестане в 1871 г.

Движение началось в Ункратлинском наибстве. Во главе его
стал Динго-Магома Сильдяичи. Восставшие убили царского наиба
Ходжаева и провозгласили своим именем хушегитица Бацулия
Магома. Восстание вспыхнуло совершенно неожиданно для царской
администрации и возбудило в ней панический страх.

Действительно, царским отрядам было чего опасаться, — все
условия для быстрого развития восстания по окрестностям были
налицо. Малейшее пренебрежение в действиях против восставших
могло неизбежно привести к всеобщему восстанию.

Ункратлинцы позднее всех подчинились вновь установленной

царской власти. В силу этого царская администрация системати-
чески стала изводить эту часть области русскими чиновниками
и войсками, отводя им земли и пастбища. И каждый раз ункрат-
линцы отвечали на это восстанием. Генералы жестоко мстили
населению и после подавления восстания обычно еще больше на-
воднили этот край войсками и чиновниками. В результате унк-
ратлинцы стали нищенствовать. Против этого невыносимого режи-
ма они и восстали. При первом же известии о восстании ункрат-
линцев началось сильное брожение в Каратинском, Гумбетовском,
Андийском и других наибствах. Число восставших росло, к ним
присоединялись целые аулы. Положение царской администрации
стало тревожным.

Вскоре после убийства ункратлинского наиба Ходжаева, вос-
ставшие открыто обратились с воззваниями по всему округу при-
зывая население присоединиться для совместной борьбы против
царских отрячков.

22 октября одна партия восставших в числе 400 человек нап-
равилась в низовья реки Койсу, в аулы Митраду, Эчеда, Силь-
ды, чтобы поднять жителей этих аулов к выступлению. Другая
партия восставших направилась вверх в Цихал Батмух¹.

Позже восставшие ункратлинцы направились в Хорошей к
аулу Соситль, где окружили дом прапорщика Исал Дибира, кото-
рый сидел, запершись с семьей, нукерами и старшинами. Восста-
вшие обратились к Исал Дибиру с предложением принять участие
„а газавате“. В ответ последовал выстрел. Между сторонами
завязалась перестрелка. Исал Дибир был ранен.

Разделившись на две партии, восставшие стали действовать
еще более активно. Одна партия направилась в Киды, чтобы за-
тем идти на Акваари и проникнуть в Чамальское ущелье, а другая
партия восставших тем временем направилась для занятия дороги,
ведущей в Ботлих, чтобы отрезать сообщения по Андийскому
Койсу.

Восстание все ширилось. К 29 октября оно охватило уже
аулы: Сильды, Митрада Агвали, Эчеда, Нижний и Верхний Хзар-
ши, Хушет и др. Жители этих аулов с большим сочувствием
отнеслись к успехам восставших ункратлинцев.

При первом же известии о восстании помощник военного
начальника Западного Дагестана подполковник кн. Орбелани
распорядился об организации пешей милиции „из благонадежных
жителей“ всех наибств для совместного действия с войсками.
Вместе с тем старшему адъютанту управления ротмистру Алиха-
нову было приказано с отрядом в 250 человек двинуться вверх
по Андийскому Койсу, чтобы преградить пути распространения
восстания. Тиндальскому наibu майору Махмуду приказано было
с жителями его наибства защищать Хваршинский мост и другие
переправы по Андийскому Койсу².

¹ О происшествиях в конце октября и в начале ноября 1871 г. № 4 в Унк-
ратлинском наибстве, ЦАУ Грузии, ф. особо важных дел, д. № 118.

² О происшествиях в Дагестане в 1871 г., ЦАУ Грузии, ф. особо важных
дел, № 118.

¹ С. Эсадзе, Историческая записка об управлении Кавказом, стр. 214.

² Краткий отчет начальника Дагестанской области со времени образо-
вания ее по 1863 г.

С. Эсадзе, Историческая записка об управлении Кавказом, стр. 249.

Несмотря на все мероприятия, направленные на подавление восстания, оно все ширилось и 26 октября горцы разрушили мосты на реке Койсу, тем самым сорвав возможность быстрых операций царских войск.

Вслед за распоряжением помощника начальника западного Дагестана, 22 октября получив сведения о восстании, генерал-адъютант кн. Меликов, тогда находившийся в Тифлисе, по телеграфу приказал генерал-лейтенанту Герхману немедленно отправить в Боглих 20 батальонов со взводом горных орудий и предложил военному начальнику западного Дагестана ген.-майору кн. Чатавадзе, находившемуся в отпуску, немедленно отправиться в отряд¹.

Царская администрация с самого начала приняла самые энергичные меры и мобилизовала весь аппарат и все военные силы, чтобы потушить разгоревшуюся искру восстания. Только при помощи превосходной военной силы восстание к 15 ноября 1871 г. было подавлено. Имам Бешлиа Магомед был взят в плен, и только некоторые из жителей сел. Хушет, Сальди и других, собравшись на неприступной скале на берегу Койсу, продолжали мужественную борьбу. Но вскоре и эти храбреды, окруженные со всех сторон войсками и милицией, державшими их впроголодь, вынуждены были сдаться.

Это восстание не дешево обошлось ункратлинским жителям. Царская администрация жестоко распорядилась с ними. По приказанию кн. Чатавадзе немедленно были арестованы жители сел. Хушет, обоих Хазришей, Митрады, Сальди и др. 1500 ункратлинцев были сосланы², селения все разрушены (за исключением 14 домов, принадлежащих прапорщику Ахмедхану), земли конфискованы.

Так закончилась героическая попытка ункратлинцев освободиться от колониального режима.

На рапорте командующего войсками Кавказской армии в. кн. Михаила по поводу подавления Ункратлинского восстания Александр II наложил следующую резолюцию: „Слава богу, что так кончилось; об отличившихся представить к наградам“.

Но это еще не был конец. Волнения среди населения Дагестана не прекращались и в последующие годы. К концу 1876 г. здесь вновь вспыхивает восстание. На этот раз волнения были в селении Губден Темир-Хан Шуриноского округа³.

Все эти восстания, предшествовавшие 1877 году, несмотря на весь героизм и упорство их участников, в силу одиночества, раздробленности и стихийности движения, были легко подавлены.

¹ Телеграмма военного министра от 7 ноября 1871 г. за № 165, ЦВИА. оп. 908, св. 582, д. № 52, л. 4.

² О беспорядках, происходивших в Ункратлинском наместстве Западного Дагестана и о высказке наиболее виновных в этих беспорядках горцев в пределы России, ЦВИА. оп. 908, св. 582, д. № 52, л. 21.

³ Рапорт начальника Дагестанской области кн. Меликова на имя главнокомандующего Кавказской армией в. кн. Михаила от 26 марта 1877 г. за № 63, л. № 9, л. 16—17.

НАЧАЛО ВОССТАНИЯ

I. Политические группировки в Дагестане накануне русско-турецкой войны 1877—78 гг. Мероприятия царизма на случай возможного восстания

Рост двойного гнета, систематически сопровождавшийся все большим увеличением налогов, податей и повинностей, обрекал население Дагестана на постоянную борьбу с царизмом и усиливал классовые противоречия между помещиками феодальной сворой и основной массой крестьянства гор.

Горцы Дагестана неоднократно поднимались против рабского подражания, в котором они оказались в результате колониальной политики царизма. Они в течение 18-летнего господства царизма 8 раз пытались освободиться от колониального гнета. Царская администрация в ответ на это посылала в горы карательные экспедиции и превращала аулы в развалины, а жителей физически уничтожала.

Но жестокости только укрепляли ненависть масс к царизму, а военно-политическая диктатура царизма в Дагестане для горцев оставалась такой же чуждой и ненавистной, как и десятками лет тому назад, до завоевания.

О явном недоверии горцев к новой власти говорит начальник Дагестанской области кн. Меликов в специальном письме в главное управление землетрясения Кавказа в 1871 г.

„З населением Дагестана, — говорит он, — еще сильно недоверие к нашему правительству. Дух мусульманской религии, в особенности по тому пониманию его, какое существует в населении Дагестанской области, служит одним из главных и весьма трудно одолимых препятствий к возбуждению в здешнем народе полного доверия к христианскому правительству“¹.

В том же самом письме кн. Меликов, говоря о „зависимости народной жизни от религии“, указывая на трудности, отмечает, „с какой осторожностью и постепенностью“ нужно было „действовать, чтобы преждевременными мероприятиями... не подать повода к возбуждению религиозного фанатизма“².

Конечно, суть вопроса состояла вовсе не в религиозном „фанатизме“ и легкой восприимчивости населения, как это себе представлял Меликов, а гораздо глубже. Корни недовольства горцев надо искать в более конкретных условиях жизни и быта населения Дагестанской области.

Основным лозунгом всех выступлений горцев был „газават“. Под этим лозунгом угнетенные массы горцев выступали во всех битвах с царизмом. Под этим лозунгом они, как и десятки лет тому назад, при завоевании и после покорения Дагестана, отражали натиск реакционного царизма.

¹ Материалы для описания Русско-турецкой войны 1877—78 гг., т. VI, ч. II, Тифлис, 1910 г., стр. 14.

² Там же, стр. 14.

Говоря об угнетенной массе горцев, выступавшей против царизма, следует остановиться и на той классовой группе, которая сродилась с царизмом. Вот как характеризовал эту группу кн. Меликов в письме начальнику главного управления наместника Кавказа от 12 декабря 1871 г. Кн. Меликов говорит, что в случае восстания надо учитывать, что во всех волнениях до сих пор, за последнее огромное число влиятельных туземцев, существенно заинтересованных настоящим порядком; у каждого из них была своя партия и эта часть населения составляла нашу опору, всегда остающуюся на стороне спокойствия и, в случае его нарушения, готовая помочь нам... Эти люди ведут с духовенством борьбу за влияние на массу, которая, сама по себе, без постороннего влияния, всегда предпочитает покой¹.

Такая образом, население Дагестанской области распалось на два противоположных лагеря: одна часть населения—это основная угнетенная масса в лице раятов, чагаров, лагов и узденей, постоянно борющаяся с существующим общественно-экономическим режимом; другая часть населения, существенно заинтересованная в сохранении колониального режима—ханы, беки, наибы, старшины и торговцы-ростовщики прослойки.

Такая же политическая группировка, которые имелись в Дагестане накануне Русско-турецкой войны 1877—78 гг. и восстания.

Все признаки неизбежности восстания в горах в самое ближайшее время были налицо.

Царская администрация, прекрасно сознавая всю эту обстановку, тоже готовилась к подавлению восстания „в самом его зародыше“².

Кн. Меликов уже с июня 1876 г. в момент восстания турецких дервишей, в письме начальнику штаба кавказской армии, признал нужным установить административные меры для наблюдения за настроением умов в населении Дагестана и за разными личностями, от которых горцы могли получить разные сведения из Турции³.

В начале 1877 г., когда война с Турцией казалась неизбежной, кн. Меликов прямо заявил, что „можно было предвидеть, что за период войны с Турцией, будут и частые волнения в местном населении Дагестана“⁴.

С конца 1876 г. царизм стал усиленно готовиться к новой очередной борьбе с Турцией. В связи с этим началось широкое провикливание турецких эмиссаров по всему восточному и западному Кавказу. Особо широкая агитация была предпринята по Дагестану и Чечне.

Почва была накалена, для восстания требовался только повод. Царская администрация, ведя неустанную подготовительную работу к войне, одновременно направляла все усилия, чтобы

удержать массы от восстания. Для этого царская администрация предпринимает целый ряд мер.

Первым делом в этой области было учреждение строжайшего полицейского надзора за влиятельными людьми из народных масс. Для преграждения подозрительным лицам путей в пределы области на всех горных тропах и проходах со стороны западного, южного и среднего Дагестана были поставлены пикеты.

Вместе с этим были приняты меры к подготовке опорных пунктов, штаб-квартир (в Дешлагаре, Ишкартах, Чир Юрте и др.) и резервов (в Гунибе, Хунзахе, Ахта, Боллихе, Ходжал-Махах) к обеспечению переправ и подготовке боевых средств. Для этого было ассигновано по требованию начальника Дагестанской области кн. Меликова 100 тыс. руб.

Вслед за этими мероприятиями последовали инструкции приказаны по всем военным отделам, требовавшие установления особого надзора за проходом в пределы области эмиссаров и распространением ими прокламаций турецкого правительства. В феврале 1877 г. Дагестан был уже на военном положении. По приказу командующего войсками Дагестанской области кн. Меликова всем нижним чинам был выдан комплект патронов—по одному на ружье.

Посра ожидаемого возмущения плеча. Горцы готовились к всеобщему восстанию, готовилось к нему и царское командование, еще не зная когда и где оно вспыхнет. Капитан Вискунов, участник подавления восстания, в своей книге „Описание боевой жизни 80-го пехотного Кабардинского ген.-фельд. кн. Барятинского полка“, говорит: „Науверенны мы были только в том, придется ли идти в знаменную Турцию, или же остаться на месте для удержания горских племен от возможного восстания“⁵.

Все эти мероприятия царской администрации и напряженная политическая атмосфера среди населения свидетельствуют о том, что задолго до начала русско-турецкой войны в Дагестане ожидалось восстание. Мероприятия царизма в известной мере затягивали его начало.

2. Подготовка и повод к восстанию

Со времени пленения Шамиля после каждого восстания и аланского правительство ссылало во внутренние губернитическую наиболее число наиболее активных вожаков народа, говоря о них как вызвать противоправительственное возбуждение под предлогом эти репрессии, действия народных пролетария не превращались.

В течение шестидесяти лет горцы воспитывались в духе борьбы с царизмом и имели таких вождей как Казим-хан

¹ Исходящий журнал канцелярии начальника Дагестанской област. секретными делам за 1877 г., ЦАУ ДАССР, л. 2, д. № 291.

² Вискунов, Описание боевой жизни 80 пехотного Кабардинского ген. фельд. кн. Барятинского полка при подавлении восстания горцев в Терской и Дагестанской областях. Тифлис, 1882 г., стр. 3.

¹ „Материалы для описания Русско-турецкой войны“, т. VI, ч. II, стр. 15.

² Там же, стр. 16.

³ „Журнал распоряжений по обеспечению укрепления городов и штаб-квартир Дагестанской области во время возмущения 1877 г.“, ЦАУ Грузии, т. 9, д. № 154, л. 7.

Гамзат-бек и Шамиль. Силы горцев были разбиты, раздроблены, окончательно не добыты. Сколько царская администрация и пыталась как можно скорее освободить область от повстанцев и изолировать их от масс, все-таки традиции, унаследованные от прежней борьбы, до конца не были искоренены. В 70-х годах прошлого столетия в Дагестане и в Чечне находилось еще много бывших сподвижников Шамиля, готовых посвятить всю свою жизнь делу восстановления строя, подобного шамилевскому имамату.

К числу наиболее влиятельных из тогда принадлежали: Абдурахман Гаджи согратинский, Кибит-Магома телетлинский, Ума-Хаджи Дуев и многие другие. Они попрежнему проповедывали борьбу с царизмом.

За всеми этими людьми был учрежден особый полицейский надзор и за малейшее возбуждение масс против царской администрации они строго карались, вплоть до ссылки во внутренние губернии России. В силу этого аудитория для их проповедей персонально была ограничена, но со временем, особенно в начале 60-х годов, агитация этих вожakov в широких массах горцев стала расширяться. В начале 1877 г. в горах стали создаваться тайные сборища. По повзоду этих тайных сборищ и создался Ума-Хаджи Дуев в своих показаниях на суде говорил о происшедшем: «в Согратле я часто встречался с Алибеком и имамом», т. е. с Магомедом Абдурахманом-Хаджи¹.

Согратль сделался центром подготовки к новой борьбе против царства. Сюда стали стекаться представители со всех аулов Дагестана. По всему Дагестану стали ходить организаторы восстания. Они говорили: «Со времени взятия Шамиля, мы попали в крепкую железную лозушку. Угнетение велико. Нас считают рабами, вложили на нас большую ношу, требуют непосильную подать, тяжелую работу на почтовых дорогах и мостах, лишают свободы. Не видите разве, что если кто-либо из нас не дает чести служить царскому управлению округом, не снимает свою шапку при встрече с то его, бедного узденя, арестуют или оштрафуют»².

Эта выдержка из речи тогдашнего агитатора, во-первых, ярко характеризует подлинную картину обстановки, в условиях которой Дагестану и Чечне. С конца 1875 г. до выражению Зиссермана, «клапан этого котла» всегда влететь в воздух», и, во-вторых, свидетельствует о подготовительной работе среди горцев велась задолго до восстания. Особо широким образом проповедывал царизма к войне с Турцией хождение агитаторов по всему Дагестану и открытые их выступления с призывом к восстанию стали все более расширяться.

Почва была накалена, Дагестану и Чечне. Царская администрация только месяца до начала русско-турецкой войны начала работу к войне, одновременно появились горцы, когда-то эмигрировавшие в Турцию.

Среди них особенной популярностью пользовались чеченцы Али-Хаджи и Усман-Хаджиев.

Вслед за ними в Дагестане стали появляться турецкие эмиссары и письма сына Шамиля Гази-Магомеда из Константинополя. В своих письмах к горцам Дагестана и Чечни Гази-Магомед требовал от дагестанцев немедленного восстания.

Восстание назрело. К началу апреля были уже все признаки.

12 апреля 1877 г. возникли сомнения о возможности восстания в Дагестане. Назрел момент, когда ситуация была самая благоприятная, восстание бурей прокатилось по Дагестану и Чечне. Уже никакая сила не могла приостановить дальнейшего хода. Восстание делало свое дело, сметая с пути все препятствия.

В чем причина этого грандиозного размаха восстания, эхом прокатившегося по всему северо-восточному Кавказу? В том ли, что сильна была агитационная работа турецких эмиссаров? Или в том, что была природная «фанатичность» горцев, как это утверждало буржуазно-полицейские историки в лице профессора И. И. Ковалевского и А. С.? Или в том, что было более реальное дело, корни, уходящие вглубь колониальной истории Дагестана?

Скорее всего последнее. Многие царские историки при характеристике восстания горцев на северо-восточном Кавказе во второй половине XIX века старались не придавать особого значения этому движению. Как и восстание Шамиля, так и восстание 1877 г. они попрежнему считали «бессмысленным» бунтом кучки «природных фанатиков», без всякой сознательности и классовый характер движения и истоки восстания.

В своей первой официальной работе «Очерк восстания горцев в 1877 году», появившейся в 1896 г., А. С. утверждал, что основной причиной восстания горцев крылась «преимущество» в нравственной и «психической стороне народной жизни»². Недовольство от утверждений А. С. ушел и черносотенный проф. И. И. Ковалевский. В своей работе «Восстание в Чечне и Дагестане» он, характеризуя социальную сторону восстания, приходил к выводу, что «лезгинское, чеченское, дагестанское и алзанское движение имеет в своей основе религиозно-политическую основу», поддерживаемую турецкими эмиссарами. Далее, говоря о причинах восстания, Ковалевский утверждает, что причиной подлинной этого религиозно-политического фанатизма является «неграмотность и непросвещенность как магометанского духовенства, так и магометанской массы народонаселения»³.

¹ Ответы на анкету о восстании в 1877 г., Материалы Института истории и литературы, папка 6, разд. 1, № 34.

² А. С. Очерк восстания горцев Терской области в 1877 году, СПб., 1896 г., стр. 17.

³ И. И. Ковалевский, Восстание в Чечне и Дагестане в 1877 г. и в 1878 г., СПб., 1912 г., стр. 22.

С конца 1875 г. до выражению Зиссермана, «клапан этого котла» всегда влететь в воздух», и, во-вторых, свидетельствует о подготовительной работе среди горцев велась задолго до восстания. Особо широким образом проповедывал царизма к войне с Турцией хождение агитаторов по всему Дагестану и открытые их выступления с призывом к восстанию стали все более расширяться.

Почва была накалена, Дагестану и Чечне. Царская администрация только месяца до начала русско-турецкой войны начала работу к войне, одновременно появились горцы, когда-то эмигрировавшие в Турцию.

¹ Материалы для описаротокол военно-полевого суда с показаниями Ума Дуева, дело о жидовском заговоре, Терского округа Терской области, ЦАУ Грузии, ф. 265, д. № 10.

² Там же, стр. 16.

³ Журнал распоряжений — 54.

⁴ Материалы для описаротокол военно-полевого суда с показаниями Ума Дуева, дело о жидовском заговоре, Терского округа Терской области, ЦАУ Грузии, ф. 265, д. № 10, стр. 16.

⁵ Ответы на анкету о восстании в 1877 г., папка 5, разд. 1, № 2. Рукопись № 17.

⁶ И. И. Ковалевский, Восстание в Чечне и Дагестане в 1877 г. и в 1878 г., СПб., 1912 г., стр. 22.

⁷ Зиссерман, «Русский архив», т. 9, 1889 г., стр. 240.

Короче говоря, для этих авторов движение горцев в Дагестане и Чечне являлось восстанием „фанатиков“¹, и основная причина крылась в фанатичности горцев.

Конкретные факты говорят об обратном.

Участники восстания, в своих воспоминаниях характерную действительную причину, вынудившую горцев восстать против царизма, говорят, что горское крестьянство, находящееся под властью царизма, не было довольно его господством, потому что в правах не считали ниже своих и свирепствовала насилие. Счита́я себя свободными, земледельцы никогда не пытались выйти в массы, не связываясь с податочными горцами, нуждами их, не заботясь о том, чтобы улучшить их дело. Об этом они никогда не думали. В годы голода не предпринимали никаких мер, чтобы облегчить положение голодающих. Бывали только случаи, когда на целый год отпускали по их просьбе несколько сот рублей взаимобразно на ростовщических началах и взыскивали сейчас же, как наступит срок, путем торгов имущества бедняков. Из сельскому хозяйству для увеличения и поднятия производительности никаких мер не предпринималось, по дорожному строительству также. Бедняки были в полной зависимости от торгашей, которые разными способами присваивали их последние гроши. Убийства, грабеж свирепствовали всюду*².

Гаджи Гасан Аскеров, рядовой участник восстания из сел Мугаты, на вопрос, что заставило табасаранских и теркемейских крестьян подняться против царизма, отвечает: „царская администрация постепенно гнала горцев вглубь гор, заводя в горы и в горы Дагестан русские войска“. Кроме того бежи являлись проводниками русской политики, которые сверх шариага установили податки. Царские колонизаторы отбирали земли у целых обществ, наказывали за воровство и убийство, увеличивали подати в пользу бекского сословия*³.

„Все это, — говорит Гаджи Гасан, — озлобляло крестьянство“.

Не видя больше никаких перспектив к улучшению своего положения в условиях колониального режима, трудящиеся горцы Дагестана, využав благоприятный момент, именно в период русско-турецкой войны 1877 — 1878 гг., попытались освободиться от гнета царизма.

До 70-х годов единственным путем спасения от полицейской произвола царской администрации горцы Дагестана считали переселение в Турцию. Но опыт переселенцев не оправдал их надежд. Горцы и там попадали в угнетенное положение и многие, окончательно разорившись, возвращались на родину, где оказывались в положении нищих.

Таким образом, для трудового населения Дагестана оставался один путь избавления от все усиливающегося колониального гнета — путь насильственного ниспровержения полицейско-чиноничьей власти, путь восстания.

¹ А. С., Очерк восстания горцев, стр. 17.

² Воспоминание о восстании в южном Дагестане.

³ Ответы на анкету о восстании 1877 г.

Причины национально-освободительного восстания, таким образом, крылись в насильственном завоевании Дагестана, в том, что в результате колониальной политики царизма народы Дагестана попали в самое тяжелое политическое и экономическое положение.

Двойной гнет — постоянные, непосильные подати, повинности, налоги, расхищение общественных земель и пастбищ, приведшее в конце концов к росту числа безземельных горцев, деградация хозяйства и нищета населения, — вот что заставило горцев поднять оружие против русского царя.

Непосредственным поводом к восстанию в Дагестане послужили:

во-первых, начало русско-турецкой войны и июньские неудачи Кавказской армии, приведшие к снятию блокады Карса и отступлению с большими потерями;

во-вторых, мобилизация дагестанских горцев на войну против турок. Царское командование потребовало от населения хабарных „горцев“ для создания конных и пеших отрядов, что еще более озлобило население Дагестанской области;

наконец, в-третьих, прокламации сына Шамиля Гази-Магомеда, в которых он призывал горцев к немедленному вооруженному восстанию и обещал при этом, что „всякий, кто теперь восстанет, навсегда освободится от всех податей и будет утверждён в обладании землею, как полный ее собственник“¹.

Развитие восстания в Чечне и начало восстания в Дагестане

Мы уже в первой главе кратко осветили колониальную политику царизма в Дагестане, показали формы и методы национального угнетения, в условиях которого приходилось стонать большому населению населения области.

Не лучше было и положение населения тогдашней Терской области. Здесь, как и в Дагестане, тоже бесчинствовали царские чиновники, царские войска, полиция, фабриканты, торговцы и купцы.

Положение крестьян Чечни также было невыносимо тяжелым. От неприязни населения Чечни к царской власти со времени завоевания восточного Кавказа достаточно свидетельствовал об

том Безземелье, нищета — явились результатом той политики, которую царизм проводил на всем протяжении своего колониального господства в Чечне.

Трудящееся крестьянство Чечни после пленения Шамиля восстало не раз. Так, например, в 1861 г. в Чечне вспыхивает восстание под руководством Умы Дуеза и Атабля. С 1862 — 63 гг. в Чечне отмечается волнение, поднятое Кунта-Гаджи (Шилинское

С 1866 г. вспыхивает восстание в Ичкерии во главе с Тогу Мурзевым. Позже, в период деятельности в Терской области

Хрис-Мелкова, снова возникают волнения среди кумыков в Аху других местах.

¹ Хроника восстания в Терской области, стр. 16

Так из года в год трудовое крестьянство Чечни боролось за свое человеческое существование. Накануне русско-турецкой войны классовая борьба между горсточкой колониальной своры и вечною массой крестьянства еще более усилилась. Чечня снова готовилась к поголовному восстанию против царских опричников.

Еще до начала русско-турецкой войны, 3 апреля 1877 г. 80-му Кабардинскому полку, — говорит капитан Вискунов, — было сделано распоряжение, чтобы нижние чины всегда имели в патронных сумках полный комплект боевых патронов и, по какой бы надобности ни были посылаемы, вне слободы Касав-Юрт, всегда были бы с оружием и с патронными сумками¹.

Это распоряжение говорило о том, что, между горцами начиналось брожение умов².

Восстание назревало. С объявлением войны оно вспыхивает накануне в Веденском округе и впоследствии охватывает всю Чечню.

В ночь с 12 на 13 апреля 1877 г. около 60 человек жителей нескольких селений Веденского округа собрались в лесных грущобах близ аула, и, вставая, обещали друг другу объявить себя независимыми и тут же провозгласили Алибека Хаджи своим имамом³.

Начато было подожжено. Восставшие во главе с Алибеком делают вблизи Касав-Юрта первое нападение на табун Кабардинского полка. После этой вылазки восставших против царской администрации Терской области, по всей Чечне начинается широкое брожение. В массах росло сознание к отряду Алибека. Число восставших стало увеличиваться. Уже к 19 апреля их насчитывалось больше 500 человек.

Восставшие во главе с Алибеком и Султан Муратом открыто ходили из аула в аул, призывая население к немедленному восстанию против „гауров“. От имени имама быстро стали распространяться письма и прокламации. В результате к восставшим скоро присоединились беноевцы, загдаковцы, загдакаринцы и аулы по реке Аксай.

16 апреля восстанием была охвачена уже вся Ичкерия.

В связи с этим, — говорит ген.-ад. Свистунов, — появились случаи сопротивления властям на Аргуне и восстание стало распространяться на всю большую Чечню. Положение было самое критическое, нужно было отразиться на многое, для того, чтобы не потерять все⁴.

Восстание ширилось, охватывая все большее и большее число аулов, росло количество участников, увеличивались силы восставших, они угрожали выйти на плоскость, где также ждали сочув-

ствия, или броситься по Хулухлу и, прорвав сообщение с Ведено, направиться на Чеберлой¹.

17-апреля ген. Свистунов телеграфирует из Владикавказа главнокомандующему, наместнику Кавказа, что: „По сведениям из Касав-Юрта, извятие об объявлении войны встречено волнением Ичкерии и Ауха, где партия собирается напасть на Кишень (укрепление Кишень-Аух) и Ведено. На Аргуне также беспокойно. Предложив меры бдительности, выезжаю завтра сам в Грозный. Гарнизон Кишень-Ауха усилен двумя ротами“².

На следующий день 18 апреля был получен ответ со следующим указанием: „Прошу из Грозной уведомить о положении дел. Необходимо энергично затушить первую искру пожара. Михаил“³.

Но тушить было уже поздно. Восставшие к этому времени перешли уже непосредственно к активным действиям против царских войск.

Положение становилось серьезным. Царская администрация на перасе время прибегает к более мягким мерам, пытаясь тем самым приостановить дальнейший ход восстания. Так, например, начальник Веденского округа, полковник Авалов пытался воздействовать моральными внушениями через почетных и влиятельных лиц, острашихся ему верными. Он снаряжает даже специальную делегацию, в обязанность которой входило ведение пропаганды с целью прекращения восстания.

Восставшими эти „почетные“ и „влиятельные“ лица не были приняты. В результате, как сообщает командующему войсками Терской области кн. Авалов, пришлось „употребить силу“, для чего и были вызваны в Цонтрой и Ведена пять рот Кюринского полка, всего 3500 штыков⁴.

19 апреля Терская область была объявлена на военном положении. Были мобилизованы все ранее находившиеся в распоряжении, сконцентрированы военные силы, сделаны попытки окружить мятежников. Но восстание быстро распространялось, охватывая все новые и новые районы. К 20 апреля движением было охвачено уже 47 аулов восточной Ичкерии и оно „грозило перейти на Салатавию, Аух и Чеберлой“⁵.

Вступив в непосредственное командование всеми войсками области, ген.-ад. Свистунов приказал вызвать в Грозный почетных людей, хаджиев и мулл из всех аулов Чечни и обратился к этим „почетным людям“ со следующей речью:

„Вы, верноподанные, должны в точности исполнить все, что я, поставленный здесь от падишаха, признаю нужным возложить на вас. А так как теперь в горах явились злоумышленники, через нашу же область много ездит офицеров, чиновников, а по дорогам идут всякие транспорты и по телеграфу — приказания, то

¹ Вискунов в. Описание боевой жизни 80 пехотного Кабардинского полка при подавлении восстания горцев в Терской и Дагестанской областях в 1877—78 гг., Тифлис, 1882 г., стр. 2.

² Там же.

³ Терский сборник, вып. 1, 1890 г., стр. 15.

⁴ Вискунов в., стр. 53.

⁵ Хроника восстания, Приложения к „Терскому календарю“ на 1891 г., стр. 2.

¹ Хроника восстания, Приложения к „Терскому календарю“ на 1891 г., стр. 2.

² Материалы для описания русско-турецкой войны, т. VI, ч. 1, стр. 19.

³ Там же.

⁴ Журнал военных действий в Терской области, письма № 1—7.

⁵ Хроника восстания, стр. 2.

возлагаю на вас полную охрану большой дороги и телеграфной линии из Грозного до Владикавказ, по левому берегу реки Теники, против ваших аулов. Надеюсь, что это вы свято исполните¹.

Для подавления восстания командованием Терской области уже был намечен план закрепить мятеж исключительно в предельных горах и не выдвигать его на плоскость², а в случае малейшего непослушания, теперь же уничтожить хлеба и аулы, а зимою повторить походом в лесах³.

Между тем силы восставших все увеличивались. К ним присоединились общества аула Гуни и ближайших к нему хуторов до ущелья реки Гудермес.

21 апреля, вступив в непосредственное сношение с обществом аула Гуни, Алибек направляется в Майортуп через ущелье Гудермес, где предполагалось занять ближайшие аулы Автуры и Шали. Этот походом Алибек рассчитывал закрепить тыл и усилить ряды сторонников, чтобы двинуться дальше на плоскость. Осуществляемая этой цели добивалась и другая партия гуноевцев под руководством Губаханна. Она обходным путем двинулась к выходу из Кудулаульского ущелья на плоскость с расчетом соединиться с Алибеком.

Однако, осуществить этот план ни Алибеку, ни Губаханну не удалось. Наперерез в Автуры были двинуты соединенные отряды полковника Нурида и подполковника Долгова.

23 апреля три тысячи адвставших вступили в Майортупе в первый крупный бой с царскими войсками. Потерпев поражение, повстанцы отступили в горы и на некоторое время укрылись в непроходимых лесах.

Первое поражение не заставило горцев отказаться от прямых военных действий. Они с новой силой обрушились на царские войска, направленные на подавление восстания. Находя убежище, — говорит командующий войсками Терской области ген. Свиштунов, — в непроходимых лесах черных гор, окаймляющих сплошной лентой на двести верст всю плоскостную часть Терской области, подстрекая... горцев обещаниями скорой помощи из Турции, они успели в течение лета возбудить ряд частных восстаний в Салагани, Чеберлое, Даумасе и опять в Ичкерии, причем постоянно угрожали, сбравшись с силами, выйти на плоскость большой или малой Чечни, продолжавшей все время глухо волноваться... в особенности после отступления наших армий от Карса⁴.

24 апреля наместник Кавказа в. кн. Михаил вынужден был уведомить официальной телеграммой Александра II, что «События в Терской области принимают серьезный характер возбуждения фанатиками части населения Ичкерии и Ауха»⁵. Далее, под-

¹ А. С., стр. 36—37.

² Там же, стр. 46.

³ П. И. Ковалёвский, стр. 35.

⁴ Вискунов, Описание боевой жизни Кабардинского полка, стр. 53.

⁵ Телеграммы царю от наместника Кавказа, ЦВИА ВУА, 78664, л. 27.

черкивая размер восстания, в. кн. Михаил в той же телеграмме, пишет, что «последние донесения... требуют не останавливаться ни перед какой мерой, в противном случае общему спокойствию Терского населения грозит большая опасность»¹.

При первом известии о восстании в. кн. Михаил посылает в Терскую область кн. Мирского для выяснения положения дел. По возвращении его Михаил телеграммой на имя царя сообщает от 23 апреля, что «Рассчитать вполне на успокоение горского населения нельзя и дело может принять размеры общего восстания. Дабы одновременно совершенно обеспечить свой тыл и достигнуть быстрых успехов в Анаголии, необходимо усиление Кавказских войск дивизией пехоты. Можно ли рассчитывать на присылку 40-й дивизии, которую в таком случае желательно иметь немедленно, не ожидая мобилизации»².

Несмотря на все репрессивные меры царского командования против мятежных горцев, восстание ширилось, постепенно охватывая всю малую и большую Чечню и некоторые общества Дагестанской области.

Во главе всего восстания в Терской области стал Алибек-Хаджи, ближайшими помощниками его сделались: в Чеберлое — Дада-Залмеев, в Белое — Султан Мурад, в Даумасе — Ума Дуев.

Имам Алибек-Хаджи в глазах царской администрации явился главным зачинщиком мятежа и поэтому она направила все усилия для того, чтобы поймать его. Физическое уничтожение Алибека рассматривалось, как конец восстания. Для этой цели специально снаряжается экспедиция, но многочисленные попытки поймать Алибека, как в Самсирских лесах, так и при помощи самих жителей укреплялся, так и в других местах, не имели никакого успеха³. Впоследствии сам генерал Свиштунов пришел к заключению, что «все без исключения чеченское население» сочувствует успехам Алибека и помогает ему.

Действия Алибека внушили опасения не только за Чечню, но представляли большую опасность и для Дагестана. Князь Меликов в своем письме ген. Свиштунову предостерегает эту опасность. «Пока партия Алибека не будет истреблена, мы не можем успокоиться. Поэтому в интересах обеих областей надо скорее покончить с нею»⁴.

Для исполнения своей гнусной цели кн. Меликов занялся подкупом людей.

Вот любопытный документ, достаточно характеризующий вес Алибека не только в Чечне, но и в Дагестане. Князь Меликов пишет ген.-ад. Свиштунову, что «житель сел. Чари Раджибилау, находящийся в партии Алибека, через своих родственников заявил, что он убьет Алибека, если такое доказательство его раскаяния в измене может послужить основанием к прощению его преступления. Я приказал отвечать Раджибилау, что в таком случае

¹ Телеграммы царю от наместника Кавказа, ЦВИА ВУА, 78664, л. 27.

² Там же, л. 33.

³ Хроника восстания, стр. 53.

⁴ Там же, стр. 10.

и я со своей стороны буду иметь основание ходатайствовать о нем перед вашим превосходительством¹.

Видя, что всеобщее восстание в Чечне не может пройти бесследно для Дагестана, царская администрация предпринимает самые энергичные меры к усилению караула на границе с Чечнею. Для этого был сформирован специальный нагорный дагестанский отряд под командой кн. Накашидзе, который был отпразднен в распоряжении военного начальника западного Дагестана. При этом кн. Накашидзе было предписано, чтобы он главное свое внимание обратил на поддержание спокойствия в западном Дагестане, усиленно содействовал подавлению мятежа в Терской области, а также — преградил путь восставшим от Ичкерии в сторону Ботлиха.

Вслед за этими мероприятиями последовали и другие, вызванные восстанием в Салатавии. Для прорыва Сулакской линии от прорыва мятежных партий на плоскость² были сформированы два отряда под начальством полковника Порлика и Тер-везгу оая.

Несмотря на все мероприятия, направленные для предотвращения восстания в Дагестане, в течение отряда население пришло к все более широкому размаху, и, наконец, 15 мая восстание вспыхнуло в Салатавии и Гумбете.

По этому поводу в кн. Михаил 18 мая сообщает царю: «как видно, взрывает гнездится глубоко и искоренение ее будет стоить не малых забот и времени»³.

Восстание в Гумбете и Салатавии грозило увлечь за собой ближайшие аулы среднего и западного Дагестана. Царское командование, опасаясь всеобщего восстания, немедленно двинуло в Гумбет дагестанский нагорный отряд, а в Салатавию остальные войска.

При известии о движении отряда, одна часть восставших гумбетовцев двинулась на помощь в Салатавию, а другая в числе 600 человек укрепились в ауле Сух, на котором был сосредоточен первый удар кн. Накашидзе. Соединившись к аулу, отряд открыл артиллерийский огонь. В ответ гумбетовцы, распевая боевой гимн, двинулись было вперед, но сильный артиллерийский огонь вынудил их в беспорядке отступить в аул Цидитль. Расправившись с Сухом, отряд кн. Накашидзе двинулся в аул Мехельта, центр Гумбета.

25 мая восстание в Гумбете и Салатавии было подавлено, а очаги восстания — аулы Артлук и Данух — по приказанию кн. Накашидзе были разорены. Одновременно кн. Меликоз, опасаясь возможного распространения восстания через Ичкерия, обратился к генералу Свистунову с предложением уничтожить аулы Аймака, Буртувай и другие.

Подавление первых очагов восстания в Салатавии и Гумбете не было еще окончательным усмирением области. Вскоре беспорядки возникли в Дидо. В конце мая большинство жителей Асако и прилегающих к нему аулов, оказали открытое сопротивление своему набу, стали отбивать стада у соседних тушин, разрушили кодорскую башню и начали угрожать селениям алазанской долины⁴.

Это происходило в том месте, где местное начальство меньше всего ожидало восстания. Дидо — сердце гор, естественная крепость и военные действия здесь могли быть наиболее опасными.

При первом же известии о восстании в Дидо царская администрация снарядила в Ботлих для подавления мятежа дагестанский нагорный отряд под начальством кн. Накашидзе, 1-й батальон апшеронского полка и взвод 6-й горной батареи 21-й артиллерийской бригады, а в Хунзах 1-й батальон дагестанского полка со взводом артиллерии. Для этого же специально была собрана милиция из местных жителей. Кроме войск из Дагестана в Дидо были двинуты войска из Кахетии, через Енисали, Кударский перевал и Куприс. По этому поводу, к сожалению, — говорит в кн. Михаил в телеграмме Александру II, — возникли беспорядки в Андуге, угрожающие безопасности Кахетии. Приняты меры скорейшему сосредоточению туда войск. Кн. Меликоз направил в Дидо кн. Накашидзе с отрядом двух батальонов с горными орудиями, Аварскую и Чамалальскую милиции⁵.

Между тем, пока царские войска двигались в горы, дидойцы стали укреплять свои позиции перед аулом, привели в порядок башни и другие пункты.

Достигнув, наконец, пунктов восстания, кн. Накашидзе начал обстреливать артиллерией аулы Асахо, Шукун, Ахиды и Кеметль. Бомбардировка башен, где укрепились восставшие, продолжалась до 8 час. вечера. Несмотря на то, что горцы под ураганным обстрелом артиллерии погибали массами, они не сдавались, решив драться до последнего человека. К вечеру бывший дидойский нзиб обратился к нам с предложением сдаться, но восставшие ответили решительным отказом и в подтверждение своей решимости умереть, но не сдаваться, на крышу сакли под расстрел царских войск начали по одному становиться неподвижные фигуры горцев и когда падал один, на смену ему являлся другой⁶.

3 дня продолжался артиллерийский обстрел аула Асах. Полагая, что горцы окончательно разбиты, наступавшие под начальством полковника Ширвашидзе с криком «ура» бросились вперед и заняли все три башни. Но атака была, оказывается, преждевременной — горцы были еще крепки духом и мужественно отражая наступление, продолжали отчаянно сопротивляться⁷. Видя, что горцы не сдаются, разъяренный опричник, полковник кн. Ширвашидзе, выдвинул два орудия вплотную к башням, занятым восставшими и стал обстреливать их, не жалея снарядов. Даже после того, как все башни были почти разрушены, горцы, задыхаясь,

¹ Материалы для описания русско-турецкой войны, стр. 24.

² Телеграммы царю ЦВИА ВУА, 7 664, л. 94.

³ Материалы для описания русско-турецкой войны, т. VI, ч. II, стр. 32.

⁴ Там же, стр. 32.

¹ Архив канцелярии начальника Терской области, л. № 2456, л. 242.

² Материалы для описания русско-турецкой войны, т. VI, ч. II, стр. 18.

³ Телеграмма царю от наместника Кавказа, ЦВИА ВУА, 78664, л. 72.

не переставали стрелять и на неоднократно предложенные сдаться, „не губить по крайней мере женщин и детей“, отвечали: „наш дом — наша могила, наши семейства погибнут с нами“¹. Действительно, женщины, находившиеся в осаде, дрались не хуже мужчин. Они выбегали на крышу дома, кидали камни на головы солдат.

18 июня Ширвашидзе дал своему отряду распоряжение вплотную подойти к аулу и поджечь башни. Когда дым и пламя охватили саклю, но еще была возможность спастись из нее, — рассказывает полковник Томкоев, — мятежникам снова предложили сдаться или удалить женщин и детей, но они отвечали всякий раз отказом и выстрелами. Наконец, все здание было охвачено пламенем, и защитники его стали выбегать по одиночке с кинжалами в руках, чтобы дорого продать свою жизнь, но выходы из сакли зорко стереглись десятками стволов“². Через непродолжительное время „крыша последнего убежища, укрывшего асаховских мятежников, рухнула и похоронила под собой всех оставшихся защитников“³. Ширвашидзе не ограничился тем, что живьем приказал в огне сотни горцев, он одновременно потребовал к себе представителей от всех дикавказских дидоевских обществ, которым объявил, что: 1) главные виновники мятежа с их семействами отпозвяляются в ссылку; 2) все пастбищные дидоевские места с настоящего времени конфискуются в казну; 3) убытки, понесенные частными лицами, должны быть пополнены за счет имущества ссылаемых главных виновников мятежа и затем недостающая сумма — за счет всего общества; 4) сожженная мятежниками кодорская башня на главном сообщении с Кахетией будет возобновлена правительством, но все расходы по возведению ее должны быть тоже пополнены из средств Дидоевского общества“.

Анди дидоевские общества начали борьбу. За ними должны были последовать и другие. Таков был путь развития восстания в Дагестане. Действительно, вскоре после подавления восстания в Дидо обнаружилось волнение в Бухнадальском наместстве, в Ансалтах и в других обществах.

15 мая восстание в Чечне достигло кульминационного пункта. Это вынудило ген. Свистунова войти в соглашение с кн. Меликовым для подавления восстания общими усилиями войск обеих областей. Вскоре часть дагестанских войск во главе с кн. Накашидзе была перебросена из Андии в Чеборлой. Но в тот момент, когда концентрированные силы двух командующих подавляли восстание в Чечне, в среднем Дагестане горцы снова поднялись. Это было в конце августа. „Грозный мятеж вскоре охватил почти весь Дагестан“⁴.

Это обстоятельство заставило дагестанский нагорный отряд вернуться обратно и расположиться в Андии.

¹ „Материалы для описания русско-турецкой войны“, т. VI, ч. II, стр. 32.

² Там же, стр. 33.

³ Там же, стр. 33.

⁴ Там же, стр. 37.

ВСЕОБЩЕЕ ВОССТАНИЕ В ДАГЕСТАНЕ

1. Развитие восстания

Начало всеобщему восстанию в Дагестане было положено 29 августа 1877 г. в 8 часов утра нападением на мастеровых у Георгиевского моста.

В этот день утром 40 вооруженных жителей аула Гергебиль во главе с Кикунным, приблизившись к мосту, бросились на охранявших его солдат. Большая часть солдат была изрублена на месте, а некоторые успели спастись бегством в укрепление Гуниб и сообщить о случившемся начальнику гарнизона полковнику Войно-Оранскому¹.

Овладев мостом, горцы тут же установили дозоры для его охраны и стали возводить завалы по дороге на Гуниб. Преправив путь вниз к центру и вверх в Гуниб, горцы надеялись расправиться и с отрядом, находившимся в крепости. Внезапный захват моста ясно говорил о том, что все это было заранее кем-то обдумано и подготовлено. Об этом свидетельствовал тот факт, что в тот же день, когда было произведено это нападение, полковник Войно-Оранский получил категорический отказ на свое обращение к жителям сел. Согратль выслать надежных людей к мосту для его охраны.

Согратлинцы в тот же день открыто объявили себя противниками протектората, провозгласили „газават“ и двинулись на „Анаду Майдан“, где имамом всенародно был избран сын сподвижника Шамиля Абдурахмана Гаджи согратлинского — Гаджи-Магомед. Был учрежден совет имама, выбраны векили и наибы.

Восстание принимало широкие размеры. Вскоре почти весь Гунибский округ, за исключением аула Чох, был охвачен восстанием, а общества Глейсерух, Карек, Телетль, Гидатль, Корода и Куяда признали молодого имама Гаджи-Магомеда и в знак своей солидарности выслали своих представителей на Анаду-Майдан, где решался вопрос о ниспровержении „гяуров“ — царизма.

После первых организационных мероприятий, формирования имамата и обсуждения дальнейшего плана действий, имам Гаджи-Магомед назначил во все аулы и общества, охваченные восстанием, своих наибов и старших из коренного населения и обратился с воззванием к соседним обществам Азарии с призывом о немедленном восстании против царской администрации.

30 августа, в то время, как одна часть восставших горцев еще вела борьбу у моста, в Согратль — резиденции имама — шел уже процесс формирования отрядов и назначение начальников колонн.

В этот же день одна партия восставших, в количестве 200 человек, напала на команду солдат 6-го Кавказского линейного батальона, находившийся на работе в карахском лесу, а другая пар-

¹ „Журнал о военных событиях Гунибского гарнизона с 29 августа по 9 сентября 1877 г.“, ЦАУ Грузии, л. № 154.

тия горцев направилась в селение Голотль, напав по пути на команду 7-го Кавказского линейного батальона.

На рассвете 31 августа третья партия горцев пробирается в верный Гуниб, где уголяет казенный скот (271 голову рогатого скота и 23 лошади)¹.

1 сентября укрепление Гуниб очутилось на блокадном положении, сообщение с другими укреплениями и центром было прервано.

Вся политика восставших сводилась к скорейшему овладению укреплением Гуниб. Для этого еще 29 августа в его окрестности через Кагорские и Ругуджинские высоты была направлена большая колонна конных и пеших горцев.

Восстание ширилось, охватывая все большее число обществ восточного Дагестана.

Князь Меликов, видя, что без большой военной силы не обойтись, специальным приказом от 31 августа предложил начальнику отряда кн. Накашидзе немедленно направиться из Терской области в осажденному укреплению Гуниб, где соединиться с отрядами Дагестанской войны Орловского для совместных действий против восставших.

Одновременно для ограничения района распространения восстания и скорейшего подавления его начальнику Даргинского округа полковнику Тарханову и начальнику Казикумухского округа полковнику Чемберу, в ответ на их запросы, кн. Меликов предложил собрать временную пешую и конную милицию из надежных и преданных правительству жителей и двинуться в Согратль.

Царское командование главное свое внимание сосредоточило на подразделениях восстания в его очаге — Согратле, так как это был центр событий, отсюда исходило все руководство, здесь находился имам с советом.

Но ограничиться сосредоточением войск только в Гунибском округе удалось не надолго. С переброской нагорного дагестанского отряда оставалась без войск Авария, а все признаки брожения и роста недовольства были уже налицо и там. Тогда кн. Меликов, опасаясь, что восстание может распространиться и на Аварию, обратился к командующему войсками Терской области ген. Сماعيلову с просьбой о скорейшей высылке двух батальонов из укрепления Ведено на Андийскую высоту.

По мере усиления ввода войск и движения в горы карательных отрядов, восстание распространялось по всем районам Дагестана. При движении отряда кн. Накашидзе к Георгиевскому мосту стало обнаруживаться волнение в сел. Куппе Даргинского округа. 8 сентября восстали жители Казикумухского округа. К кумухцам присоединилась направлявшаяся по распоряжению Чембера в Согратль временная милиция, около 8 тыс. человек, под начальством штабс-капитана Фатали-бека и ротмистра Абдул-Меджида.

Восставшие кумухцы арестовали всех чинов окружного управления, а на рассвете следующего дня бросились на укрепление Кумух, где заперлась команда в 50 солдат.

Кумухцы обратились к команде с требованием сдаться, но когда последовал отказ, они решили взять укрепление приступом. Солдаты, видя свою беспомощность перед разъяренной массой, заперлись в одну из башен, рассчитывая удержаться там до получения подкреплений из центра. Но горцы уже успели проникнуть к укреплению, обложили башню хворостом и сожгли посаженных живьем.

Полковник Чембер, со всем своим штабом и служащими окружного управления был убит кумухцами в доме Фатали-бека. Трупы их выбросили собакам через скалу Леклулу, а женщины и дети их были отправлены в аул Согратль к имаму Гаджи-Магомеду.

После расправы над царской администрацией на многолюдном митинге в Кумухе с согласия вейлика имама Али-Магомеда¹, оставший майор Джафар был провозглашен ханом Казикумухским, были выбраны наибы и назначены начальники колонн. На этом же митинге было оглашено письмо к имаму Гаджи Магомеду, в котором сообщалось, что «народ принял присягу делать газават русским, при этом как сами кумухцы, так и все население Казикумухского общества стали укреплять сами границы завалами и всеми нужными средствами»².

Джафар-хан Казикумухский, приступив к обязанностям предводителя казикумухцев, от своего имени стал распространять прокламации по всем обществам Дагестана. В одной из прокламаций, призывавших к восстанию население Икрахского, Рутульского и Ахтыпаринского обществ, говорится; «Всем приказано согратлинцем Гаджи-Магомедом Гаджи-Абдурахман оглы восстать против русских. Весь Дагестан подчинился Гаджи-Магомеду. Казикумухцы в продолжение 2-х часов взяли казикумухскую крепость и убили находящиеся там солдат, так же они убили начальника, помощника его и всех его товарищей; никого не оставили кроме жены и двух детей. Жители Цудахар взяли крепость Хаджал Махи, так что во всем Дагестане не осталось ни одной крепости. Все взято кроме Шуры, бог даст, мы теперь и ее возьмем»³.

Почти в то же время, как было взято казикумухское укрепление, поднялись цудахарцы и куппинцы. Как только кумухцы узнали, что цудахарцы, куппинцы и акушинцы восстали, они, срядив отряды, двинулись им на помощь. Один отряд кумухцев под начальством Джафар-хана и его помощника кап. Гарун-Кадиева двинулся в Акушу, Сюрго, Кюра, Кайтаг, Табасарань, а другой отряд под начальством Фатали-бека и Абдул-Меджида был двинут в Цудахар и Куппу.

События, разразившиеся в Дагестане с 29 августа, приняли з

¹ Журнал о военных событиях гунибского гарнизона.

² Материалы для описания русско-турецкой войны*, стр. 52.

¹ Он был послан имамом для общего руководства восстанием в Кумухе.

² Письмо № 14.

³ Укрепление на Кавказе*, приложение, СПб., 1898 г., стр. 77—78.

течение нескольких дней такой размах, что даже царская администрация оказалась не в состоянии планомерно вести борьбу против восставших, ей приходилось постоянно менять свои распоряжения. Так, например, 4 сентября начальник Дагестанской области кн. Меликов запрашивал начальника Терской области, может ли партия Алибека из Самсыра угрожать западному Дагестану и, в случае необходимости, возможна ли помощь войсками. Не прошло и двух дней, как он уже сообщал, что восстание разразилось и требуется отправка терских войск из Ведено на Андийские высоты. 7 сентября он опять настойчиво повторял свою просьбу, а 8-го уже просил, если можно, послать один батальон а Темир-Хан-Шуру. 9 сентября Меликов, уведомляя того же начальника Терской области, что восстание распространилось на Кавказско-кумухский округ, просил его прислать еще один батальон. На следующий день 10 сентября, сообщая о крайне опасном положении, кн. Меликов просил выслать два батальона в Шуру, хотя бы за счет отмены их движения на Андийские высоты. В тот же день, вследствие какой-то неожиданности, он просил уже кроме двух батальонов в Шуру еще два, уже на Андийские высоты.

Восстание перешло уже за пределы Левашей. При движении отряда князя Тер-Асатурова обнаружилось волнение в Урме. В этой обстановке отряд кн. Накашидзе, в обязанности которого входило подавление восстания, не мог ничего сделать. Очутившись в огненном кольце восстания, отряд вынужден был на время прекратить прямые действия против согражданцев и, под страхом полного разгрома, отступить к Левашам.

Восстание в Куппе, Цудахаре, Ходжал-Махи и Левашах было наиболее опасным, ибо эти пункты были воротами в горы. Отсюда же шел транспорт, снаряжение и боеприпасы.

Царское командование, учитывая печальные последствия, которыми грозил размах восстания, решило сосредоточить войска в Левашах, чтобы оттуда наносить чувствительные удары во все стороны среднего Дагестана.

Пока в Левашах двигались отряды кн. Накашидзе и полковника Тер-Асатурова, весь Даргинский округ был уже охвачен восстанием. Левашах находились в руках восставших, во главе которых стоял поручик Бахмай Гаджи Баганд¹, житель сел. Уллу-Ая. Восставшие разгромили здание окружного управления, а чиновники едва успели спастись бегством в Шуру.

Во главе восставших горцев Даргинского округа стали: в Цудахаре—Ника Казм и его ближайший соратник Гази-Магомед Ахмед Гаджиев, в Левашах—Бахмай Гаджи Баганд, в Куппе—Мутала Мама, в Сургинском участке—Бахмудов Магомед и Зухум Гаджи Закарьяев, в Урахи—Албуриев Алхас и другие.

¹ А. С., Восстание горцев Терской области, стр. 116.

² Бахмай Гаджи Баганд, офицер царской службы, в начале восстания в Согратле ездил во главе Акушинской сотни подавлять восстание. Изменив правительству с сотней милиции, он присоединился к восставшим в Левашах и возглавил в дальнейшем борьбу горцев. За участие в восстании был сослан в Сибирь, где и умер.

10—11 сентября в Левашах были двинуты отряды восставших горцев из Кумуха, Акушей, Цудахара, Мекеге, Кака-Маха, Наскента и Кутиша. В общей сложности, по официальным сведениям, их было свыше 6 тысяч человек¹. Ближайшей целью горцев являлся разгром отряда полковника Тер-Асатурова, чтобы не дать ему возможности соединиться с отрядом кн. Накашидзе, и двинуться в Шкуру. С этой целью горцы, сосредоточив в Левашах все свои силы, решили при входе в аул атаковать отряд Тер-Асатурова.

План этот на деле не был осуществлен, так как отряд кн. Накашидзе, прорвавшись невредимым через Ходжал-Махи, получил возможность соединиться со своими. А тем временем отряд Тер-Асатурова, приблизившись к аулу Леваша, расположился у его входа.

12 сентября здесь завязался ожесточенный бой. Это была самая крупная схватка восставших с правительственными войсками. Под сильным артиллерийским и оружейным обстрелом горцы, потеряв свыше 400 человек убитыми, вынуждены были отступить в сторону Кутиша и Ходжал-Махи. В этом бою героически погиб начальник Кавказско-кумухского отряда—Фатали-бек.

В Левашах горцы, действуя разнობойно, допустили большую ошибку—они не наносили противнику внушительного удара, хотя имели все шансы, на это. Когда отряд полковника Тер-Асатурова действовал против левашинцев, кутишанцев и наскентцев, чего-то боясь, стояли в бездействии вблизи Левашей и им, после того как левашинцы и кумухцы были наголову разбиты, пришлось отступить с большими потерями.

Поражение восставших у аула Леваша дало царскому командованию возможность подтянуть силы и развить наступательные действия в одном направлении, вынуждая горцев среднего Дагестана держаться в глубине гор и в лесах.

13 сентября из Терской области в Дагестан были посланы два батальона кабардинского пехотного полка с сотней казаков и два батальона юртинского пехотного полка. Судя по спешным телеграммам и просьбам кн. Меликова, можно было понять, что восстание в Дагестане становится повсеместным.

Над Дагестанской областью разразилась гроза,—говорит А. С.,—и, как нздо заключить из заявленных в течение нескольких дней крайне тревожных, изменчивых, спешных требований помощи для Дагестана, гроза эта в ее напряженном широком развитии составила для местных властей полную неожиданность².

Эта гроза была, однако, только началом.

Настоящая гроза надвигалась со стороны южного и западного Дагестана.

10 сентября, в то самое время, когда большая часть войска была занята подавлением восстания в среднем Дагестане, восстание вспыхнуло в южном и западном Дагестане.

События в Кумухе и решительность действий кумухцев сильно

¹ Телеграмма царю от наместника Кавказского, ЦВИА, 78664, л. 158.

² А. С., Восстание горцев в Терской области.

подействовали на жителей южного Дагестана. У горцев появилась вера в свою победу над „гяурами“. Они начали вооружаться. Горцы, конечно, не могли не видеть всех благоприятных условий к выступлению, ибо во всем южном Дагестане не было полевых войск, за исключением местных команд (в Дербенте 472 чел., в Маджалисе 271 чел., в Ахтах 283 чел.). Это вызвало решимость населения южного Дагестана последовать примеру своих соседей — кумуццев и даргинцев.

Начало восстания в южном Дагестане было положено жителями аула Хан-Мамед-Кала во главе с Мехти-беком.

10 сентября Мехти-бек, явившись в сел. Башлы, на многолюдном съезде обратился к башлыццам с призывом объявить газават. Башлыццы с живостью откликнулись на этот призыв. На съезде они приняли присягу и провозгласили Мехти-бека кайтагским уцмием¹.

12 сентября восстанием был охвачен весь Кюринский округ и Маджалис. Окружные управления разгромлены, царское начальство спаслось бегством в Абу и Дербент.

15 сентября восставшие кюринцы переходят через реку Кубу в Кубинский уезд, сжигают хутор 94-го ширванского полка, взорывают Кудатскую и Яламнскую почтовую станцию.

В знак солидарности с кюринцами восстают жители Кубинского уезда. Они выбирают себе ханом подпоручика Гасан-бека.

Таким образом, движение принимало все более острый характер. Все общество южного Дагестана, за исключением Самурского округа, были полностью охвачены восстанием.

Силами развернувшегося в южном Дагестане восстания сделались Башлы, Каякент, Берекей, Маджалис, Хан-Мамед-Кала, Янгикент, Мулебки, Кадар, Касумкент, Курах.

Во главе восстания стояли: в Кайтаге — Мехти-бек Уцмиев, в Табасарани — Умалат-бек Рустам Кадиев и Аслан-бек, в Кюринском округе — Магомет Али бек, в Каякенте — Агай Каякентский, в Яраге — Эфенди Исмаилов и др.

Спасаясь, чтобы восстание, охватившее весь южный Дагестан, не перешло в Шушинский округ, царское командование немедленно перебрасывает из сел. Леваша на помощь Дербенту отряд Тер-Асатурова.

Мехти-бек Уцмиев, узнав об этом, решил не допустить Тер-Асатурова к Дербенту. С этой целью он обращается к жителям Кайтага и Табасарани с призывом, подняться всем на борьбу. всеми мерами стараться не пропускать царские войска к Дербенту².

Пока отряд Тер-Асатурова находился в пути, кайтагцы, табасаранцы и кюринцы двинулись в аулаи Каякент, Джемкент и Берекей. Сюда же двинулся и отряд кази-кумуццев под начальством Джамал-хана.

Отсюда большие массы восставших горцев южного Дагестана под начальством Мехти-бека Уцмиева двинулись в сторону Асатурова, на Дешлагар и Буйнак. Но, когда тысячный отряд Тер-Асатурова, вооруженный до зубов, неожиданно преградил им путь, Мехти-бек решил отступить к аулу Каякент, чтобы там встретиться с наступающему отряду.

17 и 18 сентября у Каякента завязался ожесточенный бой. Восставшие, потеряв поражение, вынуждены были отступить в сторону Джемкента.

Однако, поражение не заставило горцев отказаться от предельного отряда Тер-Асатурова. Отступив к Джемкенту, и разбившись на три места, горцы начали укрепляться, ожидая помощи с других сторон.

Между тем, из Дербента поступали все более тревожные сведения. 20 сентября были получены сведения, что Дербент уже взят восставшими, цитадель брошена, гарнизон, управление и оставшееся христианское население перешли в нижнюю часть города.

Средний город покинул население с окрестностями перешел к берегам Кубы, решаясь выйти за городские пределы, ежеминутно ожидая нападения с юга.

21 сентября у Джемкента произошло второе столкновение отряда Тер-Асатурова с горцами. В нем участвовало 4 тысячи горцев.

После отступления у Джемкента, горцы с новой силой выступили на отряд у Берекея.

Восставшие держались упорно и были непрерывно поддерживаемы со стороны сел. Кадар, прибывающими свежими партиями горцев³.

23 числа у Хан-Мамед-Калы горцы опять напали на отряд Тер-Асатурова.

Таким образом, пока отряд добрался до Дербента, он оказался порядком истрепанным.

Крупное поражение горцев южного Дагестана у Каякента и Джемкента и своевременное прибытие в Дербент отряда Тер-Асатурова дало царскому командованию возможность развернуть успешные действия против восставших.

В результате, теснимые с всех сторон, горцы вынуждены были отступить с большими потерями в горы и леса.

Произошло временное затишье, но оно еще не предвещало конца борьбы. Пока войска подавляли восстание в южном Дагестане, начались активные действия в западном Дагестане.

Здесь восстание было наиболее грозным. Эта часть Дагестана, в непосредственном соприкосновении с Чечней, где восстание также развивалось, могла соединиться с ней, а это означало усиление сил горцев вдвойне, грозило продолжительной упорной борьбой.

Восстание в западном Дагестане разразилось не сразу, но с

¹ Журнал военных действий в южном Дагестане с 9 сентября по 1 декабрь 1877 г., ЦАУ Грузии, арх. № 154.

² Там же, арх. № 151.

³ Рапорт начальника Темир-Хан-Шуринского отряда командующему войсками Дагестанской области, ЦАУ Грузии, арх. № 154.

¹ Материалы для описания русско-турецкой войны, стр. 113.
² Рапорт начальника Темир-Хан-Шуринского отряда.

самого начала приняло грандиозные размеры. Уже после начала восстания в Бахлукском наместстве царская администрация, учитывая последствия дальнейшего размаха восстания не только для Дагестана, но и для Терской области, сосредоточивает здесь, главным образом в Ботлихе и Хунзахе, войска из двух областей.

Это направление войск не остановило, однако, дальнейшего развертывания восстания. Вскоре вторично восстали гумбетовские каратинцы. К 19 сентября восстание охватило уже все Тиндинское намество. 20-го к нему присоединились Багулальское и Ахвахское общества, а 21-го восстал Чамалаль.

Восставшие, разделившись на две партии, повели активное наступление. Одна партия сразу заняла Чамалальское ущелье, другая направилась в аул Путы для непосредственного наступления на Ботлих.

Навстречу, чтобы загородить им путь в Карту, была двинута правительственная милиция. Горцы отгнали милицию и направились дальше в Эххели и в Муни, задавшись целью отрезать сообщение Ботлиха с Хунзахом и Темир-Хан-Шурой.

По дороге к аулу Эххели горцы западного Дагестана и в первое крупное столкновение с отрядом под начальством полковника Тихонова, шедшим для охраны Хунзаха. Отряд Тихонова потерял большой урон, вынужден был под страхом окончательного разгрома отступить, не достигнув цели.

24 сентября жители селений Тинди, Гидатль и общества Бардала и Чамалала в числе 600 чел. направились через Андийский Гумбет в Ботлих, чтобы соединиться с отрядом Умы и Али-бека. На этом же пути они рассчитывали окончательно разбить отряд Тихонова.

Но соединение с отрядами чеченских вождей в тот день не состоялось из-за того, что горцы потерпели сильное поражение у аула Миарсу в Андии. Только к 25 сентября жителям Андийского намества удается войти в непосредственное сношение с Али-беком, тогда еще находившимся у Семсира. Вскоре в Андии появился сам Али-бек.

Весь западный Дагестан был охвачен восстанием, очагом которого сделался аул Тилитль.

Появление главных предводителей чеченского восстания в Дагестане, заставило кн. Меликова войти в сношение с издателем Терской области Свистуновым по вопросу о совместных попытках подавления восстания в западном Дагестане.

Горцы среднего Дагестана, несколько оправившись после ударов, нанесенных царскими войсками у сел. Левашин, к 20-му сентября перешли к систематическому натиску, нанося войскам решительные и комбинированные удары. По этому поводу Меликов телеграфировал Александру II: «Положение в Дагестане за последнее время вновь начало усложняться, что заставило кн. Меликова сформировать отряд в 3 батальона».

Средний Дагестан снова начал бурлить, нагоняя ужас на царских опричников.

На этот раз наступление готовилось со стороны Акушей. Этот районный аул, резиденция бывших союзов даргинских обществ, штабом, где сосредоточились все силы горцев и решались вопросы наступления.

Царское командование, узнав, что из Акушей надвигается новая волна, сосредоточивает на урочище Дюз-Майдан вблизи аула колонны из 1-го и 2-го ашшеронского полка и 2-го батальона Терского полка с 4-мя орудиями, под начальством майора Соболякова. Сюда же из Левашей был двинут отряд кн. Накашадзе.

Запереть мятежников внутри гор, не дав им возможности вырваться на плоскость,— вот задача, которая была поставлена царским командованием перед отрядами, посланными в Дюз-Майдан.

В начале октября восстанием были охвачены все общества, заключенным Шуринского округа, население которого тоже было обречено и ежедневно ожидало появления партий мятежников со стороны Койсубулинского, Цудахарского и Кайтагского областей.

В этой обстановке восставшие акушляцы, прорвав фронт царских войск, с большой стремительностью двинулись на Левашин. Сюда же шли отряды восставших горцев из Кумуха, Согратли, Кудухара и Ходжал-Махи.

В конце сентября горцы делают вторую попытку прорваться через цепи царских войск на Кумыкскую плоскость.

Этот поход был тщательно подготовлен, произведена всеобщая мобилизация в Кумухе и других местах. Командование горцев, сосредоточив все силы среднего Дагестана у селения Левашин, приступило к непосредственной реализации своего плана. 30 сентября горцы вступили в бой с царскими войсками у Кутишин. В дальнейшем горцы то прорывались через заградительные цепи войск, то отступали обратно. В течение 3-х дней ожесточенный бой длился на линии Кутиша—Левашин—Урма. За эти дни, с 30 сентября до 5 октября, в среднем Дагестане восстало против правительственных войск около 20 тысяч горцев.

5 сентября, заранее подготовившись, горцы делают третью попытку прорваться на плоскость. Для этого, сосредоточив силы у аула Кутиша, восставшие снова направляют свой удар на Левашин. Правительственные войска открывают артиллерийский огонь. Укрепившись у аула Кутиша, горцы, несмотря на переставший ураганный огонь с двух сторон аула, решили упорно выдержаться, но не сдавать своих позиций. Но это было не в их силах, и после однодневного боя восставшие были разбиты. Для наказания кутишинцев за измену приказано было сжечь их хлеба в стогах и третью часть аула¹.

¹ «Материалы для описания русско-турецкой войны», стр. 82.
² Телеграмма государю императору от наместника Кавказского, вел. кн. Михаила Николаевича, ЦВИА, 78654, л. 219.

¹ Сейчас эта местность именуется «Кербуче-Дярка».
² Журнал военных действий в среднем Дагестане, л. 1.
³ «Материалы для описания русско-турецкой войны», стр. 75.

Так закончилась третья попытка горцев среднего Дагестана прорваться на плоскость. Но это еще не было концом восстания. Оно еще развивалось и в западном, и в южном Дагестане.

2. Подавление восстания

В начале октября восстанием были охвачены почти все общества Дагестана.

В это „тяжелое для царя время“, как говорит князь Меликов, правительственные власти, наводившиеся в различных отделах Дагестана, не были в состоянии решительно действовать за пределы, ввиду назначенности отдельных войск, во-вторых, ввиду трудности сообщения с горцами. Лишь более или менее значительный отряд своей силе нагорный дагестанский отряд под начальством полковника все время находился у Левашей, охраняя выходы на плоскость.

Этот период характеризовался тем, что перекрестная администрация была принуждена быть ограничиться преимущественно охраной стратегических пунктов и районов, а главное — удержанием спокойствия в Темир-Хан-Шуринском округе.

В противовес этой вынужденно выжидательной тактике царской администрации, горцы вывели свою тактику — активного нападения на центры и периферию. Началось повсеместное наступление в среднем, западном и южном Дагестане. В первых числах сентября самурцы и кюринцы, совместно с повстанцами Кубинского уезда, штурмуют штаб-квартиру в Кусары, гидатлинцы и адинцы вступают в непосредственные сношения с повстанцами Чечни и с их руководителями — Али беком и Ума Дуевым даргинцы и кумухцы, прорывая оградительные цепи правительственных войск у Левашей, 5 сентября доходят до Урмы.

Это тяжелое для царской администрации положение было в значительной степени облегчено лишь прибытием новых войск из других областей.

Дело в том, что на положение Дагестана обратили внимание не только наместник Кавказа в. к. Михаил Николаевич, но и Александр II. По их распоряжению для подавления мятежа было двинуто, откуда только было возможно, огромное количество войск.

Помимо войск, присланных из Терской области, 20 сентября в Дербент на пароходе прибыла рота бакинского губернаторского батальона, а 26 числа на пароходе „Наср-Эддин-Шах“ из Крестоводска прибыли еще роты апшеронского полка. В первых числах октября из внутренних губерний России прибыли четыре батальона кабардинского полка, пеший казачий батальон, шесть конных казачьих сотен, полевая батарея и команда тифлисского 9-го саперного батальона¹.

Прибытие резервов дало князю Меликову возможность выработать общий план подавления восстания и сформировать особые

карательные отряды для борьбы с горцами во всех частях Дагестана.

Задушить восстание в его очагах — в южном, западном и среднем Дагестане, не дав ему распространиться на плоскость, — таков был план командования. При этом в первую очередь предполагалось подавить восстание в Кайтаге и Табасарани, как в местах наиболее опасных по своей близости к центру, к жителям кумыкской плоскости.

Для этого первым делом был сформирован особый кайтагский отряд под начальством генерал-майора Комарова. А чтобы избежать наступления горцев на Табасарань и предупредить возможный прорыв в сторону Табасарани, здесь заранее были расположены отряды в таком направлении: отряд под начальством генерала Муравьева — на бурундунальском ходе, между селениями Малые Казаниша и Ирганай на р. Аварское Койсу, отряд под начальством майора Иманова — у сел. Айчак на пути из Табасарани в аул Оглы, а вблизи аула Гублен был расположен 1-й батальон². Все перевалы из западного Дагестана в Шушинский округ (Араканский, Эрпели Гимры, Каранай-Гимры, Бузна и Ахатль) также были заняты караулом из местных жителей.

В это же время были сформированы и отправлены в западный Дагестан карательные отряды под начальством полковника Тихонова и подполковника Тихонова.

Поражение кайтагцев у Я... прибытие в распоряжение князя Меликова новых войск дало ему возможность для „решительного действия в горах“ — специальный карательный дагестанский отряд под командованием начальника 21-й пехотной дивизии ген.-лейт. Петрова.

При всех упомянутых выше отрядах и колоннах находилась временная и постоянная милиция из местных жителей, не принявших участия в восстании, а также местные офицеры, нанбы и старшины, находившиеся на службе царской администрации.

На вновь сформированный кайтагский отряд были возложены следующие задачи: 1) оказать во-... помощь штаб-квартире в Дешлагаре; 2) не допускать распространения мятежа со стороны южного Кайтага и Урахи, в Темир-Хан-Шуринский округ, что имело „первостепенную важность“, так как только из этого округа могли быть взяты необходимые перевозочные средства для доставки продовольствия главному дагестанскому отряду; 3) наказать селение Батлы, жители которого первые подняли в южном Дагестане вооруженное восстание и выставили значительную партию Мехти-беку, и затем двинуться в Табасарань и Кюринский округ³.

Согласно приказу командующего войсками Дагестанской об-

¹ Журнал военных действий в среднем Дагестане с 1 октября по 1 декабря 1877 г. ЦАУ Грузии, арх. № 9, л. № 154, л. 2.

² Там же, л. 2.

³ Журнал военных действий в южном Дагестане с 9 сентября по 1 декабря 1877 г. ЦАУ Грузии, арх. № 9, л. № 154, л. 11.

¹ Журнал военных действий в среднем Дагестане с 1 октября по 12 декабря 1877 г. ЦАУ Грузии, арх. № 9, л. № 154, л. 2.

ласти кн. Меликова, ген.-майор Комаров 27 сентября со своим карательным отрядом, в составе 8-рот, 3 сотен дагестанского конно-иррегулярного полка, 2 сотен шурийской, одной сотни южно-дагестанской милиции и сборной сотни из жителей селений Мюрега, Утамыша, Мекеге, выступил в сторону Хан Мамед Кала, сжигая аулы, истребляя беззащитное население, женщин, детей¹.

23 сентября Кайтагский отряд занимает сел. Джемкент, а 30 числа, после ожесточенного боя, вступает в Башлы. В ночь на 3 октября аул Башлы уже пылал огнем.

До сих пор Комаров встречал всюду отступление и мелкие стычки. Это был своего рода маневр. Кайтагцы готовили отпор. Для этого был выбран удобный пункт — селение Янгикент.

Джафархан Кази-кумухский с большой партией из Мулебки, князь сел. Чумли, двигаясь к Янгикенту. К нему на соединение шел также Мехти-бек из Маджалиса. Умзлат проводил дополнительную мобилизацию в Табасарани.

Все силы восставших горцев сосредоточивались у Янгикента. Нарядившиеся здесь горцы готовились к решительной схватке.

30 октября к 7 часам дня, Кайтагский отряд подходит к Янгикенту, но тут оказалось не так легко идти. У входа в селение, — описывает кн. Меликов, — стояла, выстроившись во фронт, конная партия мятежников с тремя знаками, все окрестные лесистые горы, по обеим сторонам ущелья, в котором находится Янгикент, были заняты отдельными кучками мятежников².

Сразу по прибытии отряда, Комаров открыл сильный артиллерийский и оружейный огонь. Часть горцев, заняв удобные позиции и пункты, стала стрелять по наступающим правительственным войскам, а другая часть, оттесненная со своих позиций, укрывалась в доме Мехти-бека. Впоследствии этот дом стал главной крепостью селения, откуда горцы отражали наступающие цепи правительственных войск. Дом Мехти-бека, где засели горцы состоял из нескольких каменных построек, окружавших большой двор; на двух углах были устроены башни для фланговой обороны и во всех зданиях проделаны бойницы, так что он представлял собой довольно сильное укрепление, трудное с северной и западной стороны по крутости подъема на гору, занятую им³.

Перестрелка продолжалась всю ночь. Горцы дрались буквально за каждую саклю.

К утру следующего дня, постепенно сбивая горцев с занятых ими позиций, правительственные войска заняли почти весь аул за исключением двух смежных домов, в которых еще держались до 500 горцев, непрерывно перестреливавшихся с войсками, занимавшими горы. Вскоре оба эти дома были сожжены, а защитники их почти все были перебиты. После этого центром удара сделался дом Мехти-бека.

Наступала темнота. Часть восставших, во главе с Джафаром

и Мехти-беком, прорвав цепи войск, ушла в сторону Маджалиса за подмогой. В Янгикенте был оставлен Вача-Хаджи-Муса Али с пятью сотнями вооруженных горцев, с приказанием защищаться до прибытия подкрепления.

Помощь своевременно не была подана. При всем героизме восставшие не могли дальше удерживать сильный натиск войск, и 5 октября на рассвете укрепление было занято. Горцы, чтобы не сдать живыми, кинулись в рукопашный бой и тут же погибли. В числе раненых был захвачен пятисотенный Вача. Так кончилась эта Янгикентская трагедия.

Пока подавляли восстание в южном Кайтаге, были получены сведения, что 1 октября волнение в Самурском округе перешло уже в открытое восстание. Ахтынцы провозгласили капитана милиции Кази-Ахмеда самурским ханом. Сообщение с Ахтынской крепостью было отрезано. Своевременно предупредить волнение в Самурском округе и помочь гарнизону центр. авиуду недостатка войск, не имел возможности. Отвлечь Кайтагский отряд от прямых действий означало для царского командования открыть восставшим горцам путь на Кумыкскую плоскость. Поэтому кн. Меликов, получив сообщение о событиях, ограничился только приказом начальнику округа полк. Юзбашеву о принятии всевозможных мер к обороне укрепления Ахты, куда по восстановлении спокойствия в Кайтаге было предложено направиться ген.-майору Комарову.

Восстание в Самурском округе в конечном счете не столько влияло на общий ход восстания в остальных частях Дагестана, сколько на Азербайджан. Тем не менее случившееся было несомненно опасно для обеих частей края. Результатом его явилось волнение горцев Кубинского уезда, Бакинской губернии, и Закатальского округа.

В то время, как Джафар и Мехти-бек были заняты отражением наступления кайтагского отряда у Янгикента, Умалат-бек, собрав большую партию табасаранцев, двинулся через Теркемейские аулы в Великент, куда наперерез горцам шел отряд Комарова. Преодолев упорное сопротивление незначительной части горцев, находившихся в Великенте, царские войска заняли этот аул еще до прихода Умалат-бека.

Однако, это не ослабило дальнейшей борьбы. Горцы продолжали упорно сопротивляться. Они производят нападение на Хан-Мамед-Кала и Янгикент. Аулы переходят из рук в руки. Три дня продолжался бой. В конце концов, потерпев поражение, Умалат вынужден был отступить.

12 сентября отряд Комарова занимает Маджалис. Партия Мехти-бека отступает через Уркарах в Каракуруш. Кумухцы во главе с Джафаром уходят в Табасаран и Кюринский округ.

С занятием Маджалиса в южном Кайтаге на некоторое время наступает затишье. Но это еще не было концом восстания. Пребывание казикумухского отряда в Табасарани и Кюринском округе вновь усилило восстание в южном Дагестане. Умалат-бек и Аслан-бек снова стали набирать в Табасарани отряды. То же

¹ „Журнал военных действий в южном Дагестане с 9 сентября по 1 декабря 1877 г.“, ЦАУ Грузии. арх. № 9, д. № 154, л. 11.

² Там же, л. 11.

³ Там же, л. 13.

самое делалось и в Кюринском округе. Это обстоятельство вынудило ген-майора Комарова прекратить дальнейшее действия против горцев и отступить в Дербент, чтобы привести в порядок свой изнуренный отряд.

Пока кайтагский отряд был занят приведением в порядок своих частей, Умалат, во главе собранной им когорты табасаранцев, направился в сел. Дюбек для совместного действия с отрядом Мехти-бека в Кайтаге, чтобы вновь поднять там восстание. К 22 октября в сел. Дюбек уже насчитывалось 3 тысячи восставших. При первом известии о том, что горцы вновь организовались и готовы для нового восстания, отряды спешат из Дербента в Дюбек, чтобы предотвратить восстание, но им не удалось распространиться на южную Кайтаг. В результате однодневного боя табасаранцы с отрядами горцев отступили в лесистые горы.

25 октября сел. Дюбек было разорено и сожжено.

В этот же день Мехти-бек, вновь собрав из верхнего Кайтага партию в количестве 800 человек, занимает разоренное селение Дюбек и стал отсюда рассылать возмущительные прокламации не только в Кайтагу, но и в Шушинском округе¹.

Эта новая волна восстания в среднем Кайтаге, грозившая распространиться на весь Кайтаг, вынудила Комарова отменить отряды для подавления восстания, чтобы избежать повторения и повторного распространения восстания на юге. Лишь некоторая часть восставших спаслась бегством в Кюринский округ. За вторичную измену Мехти-беку по приказанию кн. Меликова были навсегда расселены по различным местам плоскости, а селение уничтожено.

По сути дела это была последняя, окончившаяся неудачей попытка Мехти-бека и Умалата удержать Кайтаг и Табасаран в своих руках.

Дальнейший маршрут царских войск был ясен. Это — Кюринский и Самурский округа. Для подавления восстания в этих округах из вновь прибывших войск был сформирован особый отряд под начальством ген. Ватильера.

2 ноября в Дербент к ген. Комарову явился с повинной кюринский хан Магомед-Али-бек со своей свитой, а 3 ноября южный Табасаран явился Аслан-бек Руджинский.

Мехти-бек, теснимый карательными отрядами, пробирался из Самурского округа в Кубинский уезд, чтобы бежать оттуда в Иран или Турцию. Для преследования его была снаряжена особая команда под командой юнкера Урус-хана Карз-Чугаева. Разбитый Мехти-бек с товарищами был пойман в самурских лесах и 10 ноября доставлен в дербентский госпиталь, где и умер от ран.

7 ноября укрепление Ахты отрядами ген. Комарова и кн. Чавчавадзе было освобождено от блокады. Капитан Кази-Ахмед с несколькими приверженцами бежал по Ахтынскому ущелью в Согратль.

О том, что ахтынцы имели намерение штурмовать укрепление Ахты, свидетельствовали факты. Был найден склад заготовленных горцами около 30 тыс. фашин, которыми они хотели забросать крепостной ров и кроме того, в ауле Ахты было заготовлено 120 штурмовых лестниц¹. Но это намерение ахтынцам не удалось реализовать, ибо действием двух отрядов они были выбиты со своих позиций, а укрепление освобождено от блокады.

13 ноября главный предводитель восстания в Табасарани Умалат-бек был убит в сел. Ханаго своими же приближенными. К 20 ноября усиленными действиями карательных отрядов восстание в Южном Дагестане было окончательно подавлено.

После удачной самсирской операции в Чечне и поражения партии Алибека-Халжи, для царского правительства в известной степени облегчилась задача подавления восстания в Дагестане. Войска Терской области под начальством ген-майора Смекалова были переброшены в западный Дагестан. Ему же были подчинены те отряды, которые действовали в различных местах Хунзаха и Ботлиха. Князь Мещеряков в специальном письме Смекалову указывает, что он ни при каких условиях не должен останавливаться в борьбе с горцами и должен принять самые энергичные меры для подавления восстания в западном Дагестане².

12 октября отряд терских войск уже вступил в Ботлих. Из Ботлиха Смекалов направляет в Карацук отряды под начальством полк. Тихонова 7 батальонов 10-го полка, 3 сотни казаков и одно горное орудие с заданием — «задушить мятеж» в аулах Тахты, Багулат, Куанда и Куанда.

Два отряда, соединившись с отрядами подполк. Лохвицкого и Каминского, двинулись для подавления чамалальского мятежа.

В Гигатли завязалась ожесточенная борьба. «Каждую скалу, каждую пещеру, — говорит полк. Томкоев, — приходилось брать после жестокого, большей частью рукопашного боя»³.

Гигатлинцы, не выдержав натиска правительственных войск с большими потерями отступили в сел. Агвали, разорив на пути гигатлинский и агвалинский аулы.

Там восставших под руководством Нур-Магомы Дебира и Умы Двева, укрепившись в сел. Агвали, решили оказать сопротивление отряду Смекалова. Но в бою у этого аула гигатлинцы и агвалинцы опять потерпели поражение. Уцелевшая часть горцев во главе с Мухомедом и Давидом отступила через Хуштаду в Гичты.

Это было третье крупное поражение восставших горцев западного Дагестана.

К 16 октября восстание в селениях Агвали, Гигатль, Цумалд, Гакара, Хадара, Хуштада, Куанада, Тлондода, Тиси и Тинди было

¹ Выписка из Журнала военных действий и распоряжений по обеспечению укрепления и дутаб-квартир Дагобааста во время восстания 1877 г., приложение к брошюре «Укрепление Ахты», стр. 43.

² Письмо командующему войсками Дагестанской области г.-и. Смекалову, приложение к «Материалам для описания русско-турецкой войны», стр. 22.

³ Там же, стр. 83.

на население „для порядка“, — как заявил генерал Смекалов, — была наложена контрибуция: по выюку сена, мерке овса и по барану с каждого двора; с пяти дворов — по быку¹.

Вскоре было подавлено восстание ч шароевцев, причем некоторые селения уничтожены вместе с хлебами.

Теснимые со всех сторон правительственными войсками горцы западного Дагестана уходили в глубь скалистых гор и в леса.

Центр восстания перенесся в Андийский округ, Дидо и Анцухо-Калучи, аул Телетль сделался центром, где сосредоточивались вооруженные силы горцев и откуда исходило руководство.

В Телетле, независимо от его коренного населения, собралась жителя окрестных обществ². Тут находились руководители восстания западного Дагестана и Уми-Хаджи Дуев со своими сподвижниками аргунцами и ичкеринцами.

После своих успехов ген. Смекалов, преследуя горцев по пятам, спешит в Телетль — очаг восстания. Но взять этот аул было не так легко, ибо он по справедливости считался одним из самых крепких в Дагестане, как по своему местоположению, так и по исключительным укреплениям, воздвигнутым жителями. Каждая стена — говорит Смекалов в донесении, — представляла из себя крепость³.

Войска ген. Смекалова численностью в 6100 чел. расположились на высотах вблизи аула Койсу. 24 октября в 9 часов утра начал выступить по направлению к аулу. Как только на высотах оказались первые ряды правительственных войск, телетлинцы тотчас же открыли по ним усиленную стрельбу.

Смекалов через хунзахского наиба подполковника Аликалича Чапязова предложил телетлинцам сложить оружие, но они на это отаегили только „бранью и выстрелом“⁴. Тогда по аулу был открыт сильный артиллерийский и ружейный огонь. В час дня Смекалов дал приказ начать бомбардировку с дистанции 15 сажен и его войска заняли весь аул, за исключением нескольких башен.

Прапорщик Муртаза-Али стался предвременно, как предатель. Он же выдал в руки Смекалова руководителей восстания из низов Тангой. Лорсан-Хаджи, Мити и других. Ума Дуев успел бежать в Согратль.

25 октября Смекалов рапортует командующему войсками Дагестанской области кн. Меликову о том, что „Телетль зажжен и разрушается; большая часть хуторов уничтожена, за исключением нескольких ближайших к селению Зиури“⁵. В другом письме на имя ген. Свистунова он сообщает, что в результате

„боя отбито много скота, солдаты и казаки едят отлично и сла-
бох нет“¹.

В ответ на рапорт Смекалову кн. Меликов предложил наложить на телетлинцев следующие наказания:

1) выселить в Россию весь тухум Кибит-Магомы (с боковыми линиями), а главных виновников возмущения вместе с семействами арестовать и отправить в Гуниб;

2) выселить жителей Телетля с их имуществом в места, которые им будут назначены; после чего селение должно быть разорено самими телетлинцами или милицией;

3) телетлинцев, раненных в боях с правительственными войсками, арестовать и отправить в Гуниб;

4) объявить населению, что все казенные и частные потери, понесенные при нападениях телетлинцев во время восстания, будут возмещены за счет имущества главных виновников восстания, а в случае, если будет недостаточно — со всего населения;

5) дома жителей, оставшихся верными царскому правительству, всадников и служащих в дагестанском конно-иррегулярном полку и в постоянной милиции, должны быть также уничтожены, но все понесенные ими при этом убытки отнесены за счет восставших².

Успехи правительственных войск в южном и западном Дагестане еще не говорили о полном подавлении восстания во всем Дагестане. Оставался все еще бурлящий средний Дагестан, с такими очагами, как Согратль, Кумух, Цудахар.

Согратль являлся центром, откуда исходило все руководство и давались кадры.

Кумух, выдвинув огромную вооруженную силу, разнес восстание по всем окраинам Дагестана.

Цудахар, расположенный стратегически выгодно для восстания, прикрывает Кумух и Согратль.

Пока существовали эти очаги восстания, неизбежна была и дальнейшая борьба масс.

Из всех трех вышеуказанных обществ, самое выдающееся место в восстании занимал Цудахар. Цудахарцы проявили наибольшую энергию и последовательность в делах действиях против правительственных войск. Разгром Цудахара в первую очередь, как преддверья к Кумуху и Согратлю, — таков был план движения главного дагестанского отряда, общими операциями которого руководил сам кн. Меликов.

Вновь сформированный дагестанский отряд в составе: двух батальонов кабардинского полка, одного апшеронского, двух дагестанских, 21-е самурского, одного ширазского пехотного полка, 13-го пластунского батальона Кубанского казачьего войска, четырех орудий, 3-й и 5-й батареи, батареи горных орудий 21-й артиллерийской бригады, трех сотен 2-го кавказского полка Ку-

¹ Письмо Смекалова командующему войсками Терской области, приложенное к „Материалам для описания русско-турецкой войны“ стр. 31.

² Предписание командующего войсками Дагестанской области начальнику отряда г.-м. Смекалову, там же, стр. 30.

¹ Письмо г.-м. Смекалова командующему войсками Терской области, приложенное к „Материалам для описания русско-турецкой войны“, стр. 23.

² „Материалы для описания русско-турецкой войны“, стр. 92.

³ Хроника восстания, стр. 111.

⁴ На расстоянии 7 км. от Телетля.

⁵ Хроника восстания, стр. 111.

⁶ Рапорт Смекалова командующему войсками Дагестанской области, приложенный к „Материалам для описания русско-турецкой войны“, стр. 35.

трех сотен 1-го и трех сотен Дагестанского конно-иррегулярного полков и команды Тифлисского 9-го саперного батальона, 8 октября выступил из Шуры в сел. Леваши.

В качестве офицера, сотенных и сопровождающих в этом отряде были и местные контрреволюционеры нехрушка в лице беква, избоя и старшин. В подавлении восстания особенно прославились своей жестокостью следующие лица: Донугли—отец известного истерого контрреволюционера Гошинского—из сел. Гопладе, Бахти Герей—из сел. Губден, Шахбан Зухум кази—акунинский наиб, Иккичильев Дебир—из сел. Генечутль, Пайзилов—из Чархоя, Абдугов Магомед—из Джеугутат Нури Медтачханов—из сел. Акильта, Абдуверов Магомед-бек—из сел. Хунзах, Шаршизов Гаджи Магомед—из сел. Чаха, Муртаза Али Магомедов—из сел. Дарга, Алиев Курбан Чухан Али—из Цудухара и др.

11 сентября отряд вступил в Леваши. Во всех обществах Дагестанского округа, за исключением Цудахара, восстание фактически было подавлено. Жителей округа кн. Меликов обязал немедленно выстать 4000 руб для перевозки запасного провизанта и снаряжения дагестанскому полкительственному отряду, а также организовать в Чабсариях милицию, отправить ее против восставшего Цудахара.

12 сентября дагестанский отряд командиром Каджах Мама и Курбанов отступил 1 октября выстает к Цудахару.

В Цудахара были сосредоточены отряды восставших горцев из Кумуха, Согратля и других обществ. Здесь повстанцы готовили ответный удар против наступающих войск. Для этого цудахарские командирские восставших горцев, в лице Нико-Каджа, велика имама Али-Магомеда, ротмистра Абдул-Меджида кумухского и полк. Гаджи Али Омараза заранее расставило свои отряды до каменного моста через Казн-Кумухское Койсу. Затем, чтобы преградить путь, одна партия горцев была послана для занятия цудахарского ущелья, а другая направлена к мосту для того, чтобы под прикрытием первой партии, разрушить его, что и было сделано.

Всею царские войска приблизились к аулу Цудахар. Взять его прямой атакой не было надежды,—аул был сильно защищен каменными завалами и башнями. Кроме этого, горцы, расположенные на завалах по обоим берегам Койсу, охраняли доступ к аулу. В этой обстановке правительственные войска простояли целый день и только с рассветом 19 октября под защитой сильного артиллерийского огня начали наступление на Цудахар, атакуя его со всех сторон. В результате горцы, выбитые из завалов по обоим берегам Койсу, были затянуты в аул. Ширванскому полку удалось занять проход из ущелья в Кумух.

Цудахар оказался отрезанным от Кумуха и Согратля. Повстанцы не могли ни отступить, ни получить подкрепления. Прижатые

¹ Сведения эти частично взяты из „Воспоминаний участников событий восстания в Дагестане в 1877 г.“

² „Журнал военных действий в среднем Дагестане“, л. 11.

со всех сторон войсками, горцы, не видя иного выхода, „засев в сакли, решили защищаться на смерть“¹. Войска под прикрытием артиллерии все наступали и наступали. Повстанцы гибли. Цудахарцы, свидетельствует капитан Вискунов, „защищались отчаянно, стреляя в упор и отражая атакующих кинжалами и шашками“².

Под конец боя цудахарцы и кумухцы укрепились в подвальных этажах домов и, несмотря на всю безвыходность своего положения, продолжали отчаянно сопротивляться³.

Когда им предложили сдаться, „они ответили туземцам, передавшим им это предложение: по вас мы не станем стрелять, но ожидаем русских солдат“⁴.

Была дана вторичная команда взять башню приступом.

Для штурма ее была направлена 3-я сотня пластунов, которая с криком „ура“ бросалась со всех сторон к сакле. Мятажники ее предупредили, с кинжалами на голоу они кинулись на войска, но все почти погибли на штыках⁵.

Часть горцев успела проникнуть до артиллерийской позиции и наступила в рукопашную с прислугой взводов 3-й и 5-й батальона, однако подоспевшие ближайшая часть взводов вырвали артиллеристов и все горцы до единого легли на месте кровавой схватки.

20 октября Цудахар уже не существовал: от него остались только жалкие развалины. Ника-Кади и Абдул-Меджид успели спастись бегством в Согратль.

Так закончился неравный бой.

Разгром Цудахара сильно подействовал на дальнейшие успехи восставших горцев. 22 числа почти беспрепятственно был взят Кумух. Жители, по приказанию кн. Меликова, были обязаны доставлять для правительственного отряда, во все время пребывания его в Кумухе, ежедневно в погребном количестве сено, ячмень, рогатый скот, баранов, и, кроме того, посылать рабочих для разработки дороги к Согратлю⁶.

23 октября в Табасарань возвратился со своим отрядом Джафар хан, отряд сз скоро двинулся с расчетом, что сможет подоспеть к Кумуху и дать решительный бой царским войскам у его подступов. Достичь этого Джафар-хану не удалось, потому что он со своим измученным отрядом прибыл уже после того, как Кумух был занят войсками. При первом же столкновении с ними, отряд Джафара был перебит, а сам он был арестован и отправлен в Шуру, где и умер от ран.

Из Кумуха царские войска двинулись в Согратль.

Этот аул, бывший главным центром всеобщего восстания, послужил последним убежищем для повстанцев не только Дагестана, но и Чечни. Сюда сходились все потерпевшие неудачи в раз-

¹ „Журнал военных действий в среднем Дагестане“, л. 18.

² Кап. Вискунов, стр. 61.

³ Материалы для описания русско-турецкой войны, стр. 157.

⁴ Там же, стр. 157.

⁵ Там же, стр. 158.

⁶ Там же, стр. 158.

⁷ „Журнал военных действий в среднем Дагестане“, л. 20.

личных районах восстания. Здесь собрались главные организаторы и руководители восстания двух областей: имам Гаджи-Магомед, Абдурахман-Гаджи, Алибек-Гаджи, Ума-Хаджи Дуев, Дала-Залмаев, Абдул-Меджид Фатуев, Абас-Бац-оглы, Никка-Кади, Кази-Ахмед и другие.

2 ноября к утру, окружив аул Согратль, царские войска начали наступление с трех сторон. Теснимые отовсюду горцы засели в единственную надежную по своей крепости башню и в несколько укрепленных домов. Вскоре сильными действиями артиллерии все передовые укрепления были разрушены. Оставалась еще одна башня и восставшие, засев в ней отчаянно сопротивлялись. Чтобы овладеть башней командование приказало бросить в подвал зажженные снопы хлеба, чтобы едким дымом вынудить горцев в конце концов сдать.

В это самое время, у входа башни происходил ожесточенный бой. Горцы — говорит кн. Меликов, — отвечали выстрелами и бросали камни.

Несмотря на то, что всех засевших в башне заедал едкий дым и стены башни рушились, бойцы продолжали упорно обороняться. На все предложения сдать башню горцы отвечали проклятиями и ругательствами.

В этой обстановке одна партия горцев, около 200 человек, выйдя из укрепления, быстрым и решительным ударом отбрасывает назад весь 9-й роты кабардинского полка. Жаркий бой кипит, — рассказывает другой участник подавления восстания капитан Вискунов, — до позанега вечера и стоил нам больших потерь.

К 10 часам вечера бой у башни, продолжавшийся с 4 часов пополудни, начал затихать, а огромная куча камней, засыпав подвал, образовала свежую могилу защитникам башни.

Дальнейшая судьба согратлинцев была таким образом predetermined.

Во всему этому между руководителями восстания еще обнаружилось разногласия по вопросу о продолжении дальнейшей борьбы. Одна часть, во главе с имамом Гаджи-Магомедом, Никка-Кади, Алибеком и Ума Дуевым стояла за продолжение борьбы, а другая часть, в лице согратлинских эрхов, настаивала на том, чтобы идти с повинной к кн. Меликову.

В этих разногласиях аульские богатеи добились своего. 3 ноября около пяти часов утра к кн. Меликову явились „почетнейшие из согратлинцев“, которые объявили, что редут очищен и аул сдается. При этом обещали выдать всех главных виновников восстания.

4 ноября по требованию кн. Меликова были выданы следующие руководители восстания: Абдул Меджид Фатуев, Абас-паша,

Магомед-Гаджи (имам), Ума Хаджи Дуев с сыновьями, Дала Залмаев и другие в количестве 274 человек. Из всех руководителей восстания только один Алибек Гаджи убежал из Согратля. Трупы в Гуниб был перенесен на носилках и столетний старик Абдурахман — отец имама Гаджи-Магомеда. Из Гуниба он был передан в распоряжение кн. Меликова, был отправлен в Шуру и поселен в ханшише, где вскоре и умер.

С падением Согратля восстание в среднем Дагестане было фактически подавлено.

По распоряжению кавказского наместника в. кн. Михаила, царская администрация Дагестана приступила к жестокой бесчеловечной расправе над участниками восстания.

Всего более активные руководители восстания были преданы следственному учреждению временному военно-полевому суду в Гунибе и в Дербенте. Согласно приговору этого суда были повешены: имам Гаджи-Магомед согратлинский, Никка-Кади цудхарский, Абас-паша, ротмистр Абдул Меджид, Зубайрбек, Абдул-Мурат, Амир Баратов, казикамукские Кази-Ахмед и Абдул-Мурат, ахтырские Абдул-Гаджи Эфендиев и Гаджи Мурат, ахтырские — Карайя, Ислам, Ислам, Исмаил Эфенди и Ахмед Мурат, Абдул Азиз из сел. Курки и другие. Общее число повешенных доходит до 300 человек.

Прочие участники восстания подвергались массовым арестам и высылке во внутренние губернии России. Одних ссылали на принудительные работы, других под надзор полиции, а третьих на постоянное жительство. Всего было выслано до 1000 семейств, что составляло, по официальным подсчетам почти пять тысяч человек.

Приведем таблицу числа горцев, высланных целыми семьями и участие в восстании:

Округа	Мужчин	Женщин	Детей	Итого
Согратлинский	144	90	170	404
Ахтырский	128	10	27	165
Цудхарский	697	283	473	1453
Ахтырский	220	42	39	301
Ахтырский	---	---	222	52
Мухоморо-Габасаранский	---	---	127	288
Кавказский	106	55	---	---
Ахтырский	621	298	522	1441
Ахтырский	82	55	114	251
Всего	2219	912	1744	4875

Тысячи людей были казнены и сосланы, а ряд аулов уничтожен. В неравном бою царизм временно восторжествовал. „Знаменитый“ приказ Николая I Паскевичу об „истреблении непокорных горцев“ был приведен в исполнение. Разгром восстания сопровождался дальнейшим усилением колониального гнета, вводом большого числа войск и расширением функций полицейской власти в Дагестане.

1 Али-Абас-паша, известный по бассовским аулам.
 2 „Журнал военных действий в среднем Дагестане“, л. 23.
 3 Там же, л. 24.
 4 „Материалы для описания русско-турецкой войны“, стр. 169.
 5 Кап. Вискунов, стр. 69.
 6 „Журнал военных действий в среднем Дагестане“, л. 24.

Народный поэт Сулейман Стальский, воспевая в своей поэме „Дагестан“ героическую борьбу горцев, так охарактеризовал их дальнейшую судьбу:

„Ярмо опять сдвинуло грудь,
И страшно в песне вспоминать,
Как в ледяной сибирский путь
Пошли повстанцы...“

ГЛАВА V

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

1. Программа и тактика восстания

Основным материалом для уяснения программы восставших служат письма и показания участников восстания. К сожалению, их сохранилось очень немного. Пока что известны только 33 письма и еще несколько писем собраны сейчас Дагестанским научно-исследовательским институтом истории, языка и литературы.

Дополнением к этим скудным материалам нужно считать воспоминания участников восстания, до сих пор не опубликованные и хранящиеся в Институте. К сожалению, наиболее ценные материалы — первоисточники, как-то: воззвания, письма и распоряжения имама и проходы временного военно-полевого суда нам до сих пор не удалось обнаружить ни в архиве канцелярии начальника Дагестанской области, ни в архиве канцелярии наместника кавказского, ни в других архивах.

Однако, и имеющиеся в нашем распоряжении материалы дают возможность осветить программу и тактику восстания.

В одном письме от араканца Осман Гаджи и салтинца Баг-Магомеда к жителям селения Ирганай сообщается, что „приехавший из Турции от Гази-Магомеда (сына Шамиля) Гитиновас-Кади Гоцалгинский с хорошими известиями обрадовал весь народ, через что казикумухцы и даргинцы подняли восстание. Назначив из собою старшим кумухца Джафара, цудахарцы — своего молодого кадия, акушинцы — Чаракка, начали действовать против русских. Джафар разбил казикумухскую крепость, убил всех русских, а женщина забрал в плен. Гази-Магомед с войском прибыл в Грузию и расположился около реки Куры. Это есть верное известие и вы начинайте действовать“¹.

Краткое, но содержательное сообщение о том, что кумухцы и даргинцы восстали, крепость взята, а царские чиновники убиты, — по сути дела явилось сигналом к выступлению для всех общества Дагестана. Действительно, начиная с 29 августа по 12 декабря 1877 г., по Дагестану идет непрерывная цепь восстаний.

В чем же заключалась программа всего этого движения? Где причина, заставившая восстать дагестанских горцев?

Ответ на это дает командир Цудахарского отряда — Абдул-Гаджи в своей речи.

Обращаясь к восставшим, он говорил: „Братья! Уже вам известно, что русское правительство не входит никогда в наше историческое положение и небывалую бедность. В округе 90 из ста ни не в состоянии зажигать, осветить свою комнату черной свечью. Глазное — они, т. е. русские, расширяют свои законы и уменьшают свободу узденство. Их дело: увеличение налогов, натуральных повинностей, дорожных работ и т. д. Служащие получают от правительства жалованье, живут зажиточно, крепко держат сторону русских. Беда нам всем... Пора нам проснуться — побороть или смерть“².

Во всех документах, письмах, прошениях, речах и т. д. заключена одна основная мысль — борьба за национальное освобождение от гнета царского гнета. В приговоре временного военно-полевого суда над участниками восстания в Чечне прямо говорится, что возмущенное восстание жителей Дагестана и Чечни было вызвано „с целью, с одной стороны, оказать помощь Турции в войне ее с Россией, а с другой — отделиться от России...“³.

Восстание в Дагестане и Чечне было продиктовано всем ходом национальной политики царизма, все усиливающимся национальным гнетом. „Всякий национальный гнет, — говорит Ленин, — вызывает отпор в широких массах народа, а тенденция отпора национально угнетенного населения есть национальное восстание“⁴.

Основным программным лозунгом восстания был „газават“, но по сути дела это был призыв к борьбе с царизмом.

Если восстание горцев Дагестана и проходило под религиозной оболочкой, то это вовсе не было каким-то новым явлением, отличным от других стран. Ряд крестьянских движений, как в восточной Европе, так и на западе, на известной стадии исторического развития также проходил под религиозной оболочкой. „Крестьянская война в Германии“ Ф. Энгельс особо отмечает тот факт, как общий для крестьянских восстаний. „Если эта массовая борьба, — говорит Энгельс, — носила тогда религиозный характер, если интересы, потребности и требования отдельных классов скрывались под религиозной оболочкой, то это несколько не меняет дела и легко объясняется условиями времени“⁵.

Таким образом, выступление политического протеста под религиозной оболочкой есть явление, свойственное всем народам, на известной стадии их развития...“⁶.

Что же касается участия в восстании ханов, беков и нубов, — то истоки также из конкретных условий и обстановки в Дагестане на данный период, — нужно сказать, что в отдельных районах — например из них даже стояли во главе. Так например, в кумухском округе, во главе восставших, стояли: майор Джа-

¹ Письмо на анкету о восстании 1877 г.

² Приговор временного военно-полевого суда по делу жителей Веденского округа Герской области, ЦАУ Грузии, д. № 216, л. 290, 294.

³ Ленин, Сочинения, т. XIX, стр. 222.

⁴ Маркс и Энгельс, Собр. соч., т. VIII, стр. 128.

⁵ Ленин, Сочинения, т. II, стр. 520.

фар, сын умершего свиты его величества генерал-майора Агалар-хана, вицииский наиб милиции, штабс-капитан Фатали-бек. В Кайтаго-Табасаранском округе—Мехти Уцииев, сын генерал-майора Джамал-бека, в Кюринском округе—Магомед-Али, потомок по боковой линии прежних кюра-кази-кумухских владетелей; в Самурском округе—бывший наиб Кази Ахмед; в Даргинском округе—Чарик и другие влиятельные фамилии; в Андийском округе—два сына Ахит-Магомы: один прапорщик Муртаза-Али, а другой всадник дагестанской постоянной милиции и др.

В чем причина того, что часть туземно-феодалной знати оказалась в рядах крестьянского движения, приняв активное участие в дагестанских событиях 1877 г? Ведь ханы, беки, наибы, старшины были материально обеспечены, состояли на хорошем счету, занимали должности у царской администрации и прекрасно могли обеспечить благополучие и следствия этого рискованного предприятия.

Что же побудило их к восстанию?

Одни были увлечены потоком развивающегося вокруг них восстания, которое перекидывалось из одного округа в другой, другие более грандиозные размеры.

Другой причиной воссращения утраченных привилегий и прав были интересы их прав. Дело в том, что ханы и беки были превращены фактически в придаток той административной власти, которая была установлена царизмом в Дагестане и которая несколько ограничила их самовластье. Это оказалось не по душе для некоторых феодальных верхов и они искали только случая, чтобы восстановить свои утраченные неограниченные права настоящих феодалов. Всенародный подъем горцев они хотели лишь использовать для достижения этой своей цели.

Один из участников восстания в Кази Кумухском округе, характеризовавший общий ход восстания, сообщает, что некоторые члены ханской фамилии, пользуясь удобным моментом, приняли меры к тому, чтобы снова прибрать ханство в свои руки, „стали помогать восстанию, стараясь всеми силами о соединении народа к своим мнениям“. Дело доходило до того, что члены ханской фамилии в борьбе за ханский титул устранивали заговоры друг против друга. Тот же участник восстания приводит один из таких случаев: Фатали бек Сурхай-хан, говорит он, написал своему брату Абдул Кадыр Гаджи письмо следующего содержания: „должность хана не дойдет до нас пока жив Джафар-хан. Надо что-нибудь сделать для удаления его от ханства“. Таким образом, как видно из примеров, участие ханов и беков в восстании было связано не столько с сочувствием к общим событиям, происходившим в Дагестане, сколько с желанием восстановиться в титулах хана или бека. При этом ханы и беки исходили из расчета, что царская администрация не в силах будет справиться с восставшими из-за недостатка войск. Объективно, выступление феодалов в этот период имело положительное значение, и такие люди, как Джафар-хан, Фатали-бек, казикумухские, Мехти-бек Уцииев и другие, честно сложили свои головы за общее дело горцев Дагестана.

Основная руководящая роль во всем ходе восстания и председательство им принадлежали выборным представителям народных масс от каждого округа. Они же были мюридами, наибами, советниками имама. Это были следующие лица: Нико-Кади цудаарский, Зубаир-бек, Амир-Баратов, Шамсутдин и Гаджи Муса казикумухские, Гаджи Зухра (советник Умалата) и Гаджи Хизриев (из сел. Мугатыр) кайтаго-табасаранские, Абдула-Али Эфендиев (из сел. Ниж. Стал), Абдурахман и Ахмед маджалисские, Мамаз Гаджи араканский, Али Гаджи инхайский (пятисотенный), Магома салгинский, Магомед Гасанов и Ахмед Гаджи гоцатлинские, Абдула (векил имама) цунгинский, Гаджиев карахский, Мама Магома (векил имама) согратлинский, Магомед Кара Гаджи (наиб имама) цунтинский, Карабилов Гаджи (по прозвищу хромой, наиб имама) каратинский, Гасанил Магома (наиб имама), Магомед-Дауд (наиб имама) чохский, и целый ряд других.

Таким образом, разобравшись во всем разнообразии оттенков в идеологии восставших и в движущих силах восстания, мы можем теперь подвести некоторый общий итог всему вышесказанному. Восстание 1877 г. в Дагестане, охватившее по своему размаху весь север-восточный Кавказ и направившее против колониального гнета царизма, было национально-освободительным, массовым восстанием крестьянства. Движущей силой в этом национально-освободительном движении с самого начала и до конца являлась основная масса угнетенного горского крестьянства, а также райтов, чегаров и узденей.

Во главе этой группы руководителей восставших горцев стояли: Абдурахман и его сын—имам Гаджи Магомед согратлинские со своими векилеями), Алибек Хаджи и Ума Дуев из Чечни.

Национально-освободительное восстание в Дагестане с самого начала выливается в бурный протест против колониального гнета царизма. Восстание в Салатавии, Гумбете, Дидо, Гергебиле и Согратле, охватившее весь Гунибский округ, разрастается в поголовное восстание. В течение 7-месячной борьбы горцев в Дагестане было охвачено восстанием 394 аулов, а именно:

Аварский округ	23 аула
Андикийский	36
Гунибский	74
Даргинский	35
Кази-Кумухский округ	81
Темир-хан-Шуриинский	10
Кайтаго-Табасаранский округ	70
Кюринский округ	45
Самурский	15

Итого . . . 394 аула

Данные цифры свидетельствуют о том, что это восстание было массовым, охватившим собой весь Дагестан, за исключением частично Темир-Хан-Шуриинского округа.

На первом этапе восставшие горцы расправляются с местной

* Сведения о числе мятежников горцев Дагестанской области, высланных в Россию и подлежащих выселению. Протоколы комиссии по расследованию убийств, причиняемых восстанием 1877 г. ЦАУ ДАССР, ср. 2, л. № 279.

царской администрацией и сросшейся с ней национальной верхушкой (беками, наибами, старшинами и пр.), как это было в Казикумухском, Даргинском, Кюринском, Андийском округах.

Вслед за этим горцы уничтожают (где это было особенно) укрепления, сносят продовольственные склады, войска, усадьбы офицеров, помещиков, разрушают мосты через Казикумухскую и Андийскую переправы, вырубают телеграфные столбы между Шурой, Дербентом и округами, тем самым изолируя на некоторое время местную и центральную администрацию от непосредственного сообщения с имамством Кавказа.

В дальнейшем ходе восстания, одна часть горцев в Самурском и Губинском округах штурмует крепости, а другая ведет бой, держа прямой путь в центр, где находились ставленники царского правительства, во главе с кн. Меликовым.

Как один из характерных моментов данного восстания надо подчеркнуть его стремление с самого начала к расширению территории за пределы области — в Грузию, Азербайджан и Чечню.

Особо надо отметить вопрос о взаимоотношении восставших горцев Дагестана с горцами Чечни. Уже с самого начала восстания наметилась тесная солидарность между этими областями в борьбе против общего врага — царизма. кандалы были и в период Шуровщины, что solidarity выразилась в том, что в начале восстания горцев Терской области, горцы Дагестана, которых именовали "тавлинами", сражались вместе с восставшим чеченским крестьянством, а затем, когда повстанцы Чечни во главе с имамом Алибек-Хаджи и Ума Дуевым были разбиты, они переходят на сторону восставших горцев Дагестана и сражаются в одних рядах с ними до самых последних дней.

То же самое надо сказать и об участии в рядах восставших жителей Кубинского уезда, Алазанской долины, Закатальского округа.

Восстание, происходившее в Дагестане, тесно было переплетено с восстаниями в национально-освободительной борьбе самодержавной России.

В этом восстании тактика горцев, во главе с имамом Гаджи Магомедом согратанским, заключалась в следующем: взорваться на кумыкскую плоскость, поднять восстание в центре царской администрации, разгромить резиденцию начальника Дагестанской области — Темир Хан Шуру, а потом соединенными силами восставших горцев северо-восточного Кавказа изгнать царских колонизаторов из Кавказа.

Чрезвычайно большой интерес представляют для нас приемы и методы военных действий горцев против организованных царских войск. Восставшие в приемах ведения боя исходили прежде всего из естественных природных препятствий, которые стояли на пути следования царских войск в горы. Повстанцы стали широко придерживаться основных методов и приемов шамилевского боя — они избегали крупных столкновений, отступали вглубь гор, опустошали и выжигали те местности, куда должны были следовать царские войска. Этим и объясняется, в известной мере, затяжной характер восстания.

Подготовительная работа и успешные операционные действия восставших против царских войск дают основание думать, что горцы Дагестана были не так уже плохо организованы.

У них была установлена своя система управления, во главе которой стоял имам Гаджи Магомед со своим советом, в округах и наибах были назначены свои окружные начальники — наибы, старшины. Все дела на территории восставших решались в имамате. Там проводили всеобщую мобилизацию, намечали план действий и т. п.

Интересные данные об имамате дает кн. Меликов. В Кумухе и Согратле было положено, — говорит он, — начало мятежу, устройено было центральное управление имамом и отсюда распространялось и поддерживалось восстание по всем направлениям к окраинам Дагестана¹.

У восставших была довольно правильная военная организация. Во главе каждого отряда стоял начальник, сотенный, ротный и т. д., назначаемые имамом или советником по желанию народа.

Наконец, последний вопрос — это сношения восставших горцев с Турцией.

Очужившись в рядах восставших, туземно-феодалная знать и дворянство, у которых были свои корыстные цели, в союзе с турецкими эмирами особенно поддерживали про-турецкие настроения и распространяли среди масс восставших разнообразные иллюзии о том, что только турецкий султан может избавить горцев от гнета царизма. Эта вредная проповедь стала достоянием увлеченных происходящими событиями масс. Ханы и беки, используя восстание в своих целях, пытались установить власть ханов и беков в Дагестане без царской администрации, но под протекторатом султанской империи.

По сути дела это означало бы превращение Дагестана из колонии царизма в колонию султанской империи.

2. Причина поражения восстания

Национально-освободительное крестьянское восстание 1877 г. в Дагестане было одним из крупнейших восстаний в течение последних десятилетий второй половины XIX века. Это стихийное восстание горского крестьянства происходило вне сочетания с рабочим восстанием, без руководства пролетариата, класса гегемона, только одного способного довести его до полной победы над царизмом.

В этой обстановке восстание неминуемо должно было потерпеть поражение.

В беседе с немецким писателем Эч. Людвигом товарищ Сталин подчеркивает: Крестьянские восстания могут приводить к успеху только в том случае, если они сочетаются с рабочими восстаниями, и если рабочие руководят крестьянскими восстаниями. Только

комбинированное восстание во главе с рабочим классом может привести к цели"¹.

Однообразие восстания 1877 г. в Дагестане выразилась в его стихийности, недостаточной организованности, а отсутствии ясной программы, четкости в лозунгах.

К этой основной и определяющей причине, обусловившей поражение, нужно прибавить еще ряд дополнительных внутренних причин, ослабивших силу и боееспособность всего восстания в целом. Это — тактические ошибки, классовая неоднородность восставших, борьба между этими классово-неоднородными группами, предательством и т. п.

Борьба среди различных групп населения, происходила с самого начала восстания. Та группа населения, о которой князь Меликов говорил — «за нас стоит огромное число влиятельных туземцев, существенно заинтересованных настоящим порядком; они составляют нашу опору», — теперь, в восстании открыто выступает как предатели. Чтобы яснее себе представить, что это за огромное число влиятельных туземцев, обратимся к живым личностям этой группы.

Царский офицер Басан Алкадари, известный своей книгой «Асари Дагестан», в 1877 г. служивший наёмом в южной Табарани, так смотрел на колониальный Дагестан:

«Ведь был наш Дагестан родной
Беспечно спавшею страной
Под властью русского царя.
Народ жил лучше, чем теперь.
Нежданно сограждане зря
Ошибкой злу открыли дверь»².

Далее, давая оценку восстанию, он заявил, что это была попытка «ослепая» вздумавшего «львом зжигать»³.

Подобная же точка зрения на восстание и его причины еще более красочно выражена в нижеприводимой выдержке из беседы корреспондента газеты «Тифлисский вестник» с одним влиятельным лицом Дагестана, получившим образование в царской школе.

На вопрос корреспондента «Как он смотрит на восстание и в чем находят его причину?» горец дал такую оценку: «Я смотрю, — говорит он, — на восстание, как на непростительную глупость со стороны моих земляков, которым, конечно, за это и достанется. Признаюсь, я не ожидал, что они решатся поднять возмущение, ибо в горах, в особенности в Дагестане, до последнего времени не было никаких видимых признаков, по которым можно было бы заключить о возможности более или менее серьезных беспорядков. Но к сожалению, восстание уже совершившийся факт, на который каждый образованный горец с грустью должен смот-

реть как на явление гибельное для только что начавшейся в горах культуры и гражданственности»⁴.

Если царская историография утверждала, что причина восстания кроется в «религиозном фанатизме», то наш собеседник уходит еще дальше. Он говорит: «И я готов признать, что горец в значительной степени ослепляет их фанатизм, но, по моему мнению, еще более ослепляет невежество»⁵.

Остановимся теперь на конкретных действиях этой части группы туземцев. Исчерпывающий материал об их деятельности нам дает «Протокол комиссии по расследованию убытков, причиненных возмущением в 1877 г.»

В одном заявлении начальнику Самурского округа житель селения Мискинджа Магомед-оглы сообщает следующее:

«Вследствие восстания в сел. Мискинджа и Ахта я убежал, с письмом, написанным обществом г. Кубу к Абдула Ага Баки-ханову и к уездному начальнику для оказания им русскому правительству крепкой преданности. Таким образом поехал в г. Кубу и К. Три раза секретным образом я был в Самурском округе для разрешения домашних дел. Последний раз я был с женой в сел. Шарипово»

«В сел. Шарипово матаежников начальнику Самурского округа. Огпрявлялись ночью, под селением Мискинджа на нас напали 2 матаежника, кои избили газарина моего Ага Шарипа, а я убежал от них, скрывался 4 дня в горах»⁶.

В другом заявлении жителя этого селения Дазия Али Эскендера говорится: «Ввиду того, что через Каз-Ахмеда поднялось восстание в сел. Ахты, я убежал из Самурского округа в Кубинский уезд в гор. Кубу к Абдула-Али и к уездному начальнику Разляковскому и оказал искреннюю преданность русскому правительству, таким образом три раза я был в Самурском округе по приказанию вышеназванного начальства для разузнания расположения матаежников. Узнав об этом, Каз-Ахмед, побив моих братьев, разграбил мои вещи и всего дома на сумму 566 рублей»⁷.

То же самое сообщает начальнику Кубинского уезда всадник земской стражи, житель Каракюры Самурского округа — Казум Умуд Али. «Во время смут в Кубинском уезде и в Самурском округе, — говорит он, — я был послан вами с письмом в Ахты и отпраюсь, остановился ночевать в сел. Каракюра; перед светом я отправился по направлению к Ахты, но за мной, вероятно, следили лазутчики неприятеля и тут же меня поймали и раздели. При взятии меня издержали, а письмо я успел передать родственнику и спрятать дома. Когда Каз-Ахмед хан приказал отправить меня из Ахты в сел. Хиарито, меня привели нагого, босого не гудя, и

¹ Беседа корреспондента газеты «Тифлисский вестник» с горцем по поводу восстания и причины его, от 14 октября 1877 г.

² Там же.

³ Протокол комиссии по расследованию...

в сел. Ясеби для того, чтобы убить меня, но я из Ясеби убежал в сел. Кара-Трап и тем спас свою жизнь. В тот же день бучтовщина разошлась и я взял спонтанное письмо и отправился в Ахты, где и передал господину начальнику и потом прибыл сюда¹.

Большой интерес представляет для нас и отношение восставших к этой части местных национальных верхов. Вот любопытный документ достаточно точно определяющий взаимоотношения между ними:

«Кави-Ахмед наказал меня, — говорит Карний Булат, — 200 ударами розг из бороды и волос лозынками волосы и отправили меня пешком в поход в Кубинский уезд, сугая скарженными ся вами перед народом. Причина этих терзаний та, что я принимал с односельчанами деньги на чарач и на аллаха даже с племянником своим Шукром мтаджиком, я не буду никогда подчиняться; ввиду этого восставшими, я послал своего племянника Шукру в Кубинский уезд для оказания искренней своей преданности русскому правительству. Но Кави-Ахмед, узнав эти обстоятельства, послал против меня в Кубинский уезд много разных претерпений².

Эта часть населения, семья разношерстная, постоянно боролась против правящего класса. Связи с царской администрацией, она выполняла роль шпионов в рядах восставших. Эта часть национальных верхов, прекрасно зная психологию и намерения горцев, как и каждую группу, своевременно осведомляла командование обо всем, тем самым проваливая тот или иной плановый натиск восставших. Это сильно ослабляло и так незначительные силы горцев.

Рядом предателей в рядах основной массы восставших горцев были и временные союзники, отдельные лица из феодальной верхушки, беки, набиб, старшины, которые в разгаре борьбы переходили на сторону русских.

Так поступили подполковник Чарак акушинский, прапорщик Муртаза-Али телетинский, юртинский хан Магомед-Али бек, Аслан-бек сунджинский и другие.

В результате этой классовой неоднородности горцев уже в самом начале восстания в рядах восставших проявилась неустойчивость, которая в конечном итоге привела к групповым раздорам и к ослаблению боеспособности.

Эта классовая неоднородность восставших и борьба между различными группами наиболее наглядно выступает в письмах участников восстания.

Царский доклад специальным письмом обращается с просьбой к имаму, чтобы он сделал распоряжение, чтобы войска не трогали собственных жителей³.

В письме Ахмеда Гаджи гоцатлинского к имаму сообщается: «в моем отсутствии из Кикунни там между жителями делается разногласие, поэтому отправляюсь в Гоцатль, чтобы забрать свое

семейство и приехать опять в Кикунни, впредь до особого вашего распоряжения⁴.

Сильнее всего действовали на население несвоевременный сбор налогов и злоупотребления сборщиков. Так, например, казачки прямо запротестовали против частого сбора налогов и обложения и в специальном письме к имаму пишут:

«Чистые приезды от вас посланного для сбора разных налогов показались нашему народу неприятными потому именно, что часть людей находится с Абдул Меджидом и часть занята похоронами убитых и лечением раненых. Находя такое распоряжение несвоевременным, просим отложить до возвращения всех из похода⁵.

Ко всему этому надо еще прибавить проявление слабости со стороны молодого имама Гаджи-Магомеда согратлинского и его приближенных, в то время, когда требовалась твердость в решениях и жестокость по отношению к контрреволюционным силам, разлагавшим восстание⁶.

Тактико-тактические ошибки в восстании. Восстание не было одновременным по всему Дагестану. Оно вспыхивало в разное время то в одном, то в другом конце области. Некоторые аулы и общества (башлинцы, дидойцы, телетлианы и другие) восставали за этот промежуток времени по два-три раза.

Отсюда затяжной характер восстания. В результате 7-месячной борьбы дагестанских горцев налицо было сильное расстройство экономики, хозяйства области и истощение людского резерва.

Это последнее вызвано было отчасти неорганизованностью в действиях, бесцельными налетами, из за которых приходилось терять огромное количество людского состава.

Главной же ошибкой восставших было то, что они действовали разнობойно. Так например, восставшие южного Дагестана свой главный удар направляли в сторону Кубинского уезда и в западную сторону Чечни, нагорного Дагестана — в сторону Грузии, среднего — в сторону центра. Между тем надо было объединенными силами со всех сторон пойти прямой атакой на центр, где находились склады оружия, продовольствия и т. п.

Наконец, последней решающей причиной поражения восстания 1377 г. в Дагестане является количественное и темное превосходство царских войск, противоставленных повстанцам, вооруженным кинжалами и шамилевскими допотопными кремневыми.

В силу всех этих причин, одно из самых крупнейших восстаний в Дагестане должно было потерпеть поражение.

3. Значение восстания

Значение восстания выходило далеко за пределы Дагестана и Чечни. Оно может быть правильно оценено лишь на фоне той внутренней ситуации, которая была в России во второй половине XIX века.

¹ Протокол комиссии по расследованию убийств, причиненных возмущением в 1877 г. в Кавказском крае.

В центральной России, начиная с реформы 1861 г., бурно нарастает революционное движение. Все более ухудшающееся положение, в которое крестьяне были поставлены, вынудило их вести перманентную борьбу с крепостническим правительством за революционный путь разрешения аграрного вопроса.

С этим революционным движением в центре сливается в единое русло и национально-освободительная борьба трудящихся крестьян окраин против диктатуры крепостников. Развертывание освободительного движения на окраинах принимало все более острейший характер. Особенный подъем стал заметен к 70—80 гг. Так например, в 1877 г. мы имеем движение среди народов Поволжья, восстание крестьян в Абхазии, Сванетии. В 1878 г. произошло массовое восстание в восточной Грузии, Мингрелии и в других местах. Таким образом, в России в 70—80 годах мы имеем повсеместное наступление крестьян как метрополии, так и окраин на самодержавную Россию, рост революционных движений.

При оценке этих событий Маркс и Энгельс исходили прежде всего из наличия революционной ситуации в России. Еще в 1875 г. Энгельс так охарактеризовал эту взрывную ситуацию:

Россия, несомненно, находится накануне революции. Финансы расстроены до последней степени. Налоговые тиски отказываются служить, проценты по старым государственным долгам уплачиваются путем новых займов, а каждый новый заем встречает все больше затруднений; только под предлогом постройки железных дорог удается еще доставать деньги! Администрация давно развращена до мозга костей; чиновники живут больше воровством, взятками и вымогательствами, чем жалованьем. Все сельскохозяйственное производство — наиболее важное в России — приведено в полный беспорядок выкупом 1861 г.; крупному землевладению не хватает рабочей силы, крестьянам не хватает земли, они придавлены налогами, обобранны ростовщиками; сельскохозяйственная продукция из года в год уменьшается. Все это в целом сдерживается с большим трудом и лишь внешним образом, посредством такого азиатского деспотизма, такого произвола, о котором мы на Западе даже не можем составить себе никакого представления. Это деспотизм, который не только с каждым днем вступает во все более вопиющее противоречие со взглядами просвещенных классов, в особенности со взглядами быстро растущей столичной буржуазии, но который в лице нынешнего царя носителя сам сбился с пути: сегодня он делает уступки либерализму, чтобы завтра с перепугу взять их обратно, и таким образом сам все более и более подрывает всякое к себе доверие. При этом в концентрирующихся в столице более просвещенных слоях нации укрепляется сознание, что такое положение невыносимо, что близок переворот, но в то же время возникает и иллюзия, будто этот переворот можно направить в спокойное конституционное русло. Здесь сочетаются все условия революционной ситуации.

дальше и быстро выведут за пределы первого конституционного фазиса; эта революция имеет величайшее значение для всей Европы уже по одному тому, что она одним ударом уничтожит последний, все еще нетронутый резерв всей европейской реакции. Революция эта, несомненно, приближается¹.

Выход из затруднительного положения правительство Александра II пытается найти в новом колониальном захвате, в войне с Турцией.

Начиная с крестьянского восстания 1870 г. на Балканах, в Боснии и Герцоговине, царизм ищет повод к началу реализации своего захватнического плана. Основным объектом военных операций был намечен Константинополь с проливами.

С конца 1876 г. царизм ведет бешеную подготовку к войне, стягивая войска к Одессе, формируя новые резервы и пр. Основная цель этой войны заключалась в установлении на Черном море форпоста самодержавной Россией для дальнейших захватов. Это должно было бы означать укрепление царизма, в ущерб развращающемуся революционному движению.

12 апреля 1877 г. правительство Александра II объявляет войну Турции.

С самого начала войны 1877—1878 гг. Маркс и Энгельс, исходя из наличия революционной ситуации, заняли позицию поражения России в войне.

Поражение России в войне с Турцией Маркс и Энгельс рассматривали как толчок к развертыванию революционных движений в России и во всем мире.

Маркс в письме к Энгельсу от июля 1877 г. еще до начала русско-турецкой войны, писал: „Поражение русских в европейской Турции ведет прямо к революции в России...“²

В другом письме от 4 февраля 1878 г. Маркс писал Либкнехту: „Поражение русских очень ускорило бы социальный переворот в России, элементы которого налично в огромном количестве, и тем самым ускорило бы и резкий перелом во всей Европе“³.

Вот в этой-то обстановке и развертывается национально-освободительное восстание в Дагестане, Чечне, Кубе и Закаталах.

Восставшие горцы Дагестана и Чечни, нанося самодержавию удары изнутри, своими действиями препятствовали успешному продвижению царских войск.

Для того, чтобы „усмирить взбунтовавшихся горцев“, целые резервы армии были отведены с фронта и произведена дополнительная мобилизация войск внутри империи.

Царскому правительству это восстание горцев обошлось не дешево.

Оттяжка войск от прямого назначения в условиях войны была колоссальным ударом по захватническому плану царизма на Востоке. Этому факту не могли умолчать даже царская историография.

Вот как отозвался о восстании 1877 г. в Дагестане генерал Чернявский: „Принятыми энергическими мерами хотя восстание и прекращено, с громадною потерю для восставших, тем не менее устранилась возможность усилить действовавший корпус в Турции свободными в исками из казанных областей и явилась необходимость для усиления Кавказской армии мобилизовать войска внутри империи“.

Таким образом, только исходя из наличия революционной ситуации как в России, так и в Европе, надо подходить к оценке места и значения восстания в Дагестане в истории международного революционного движения.

С этой точки зрения разразившееся параллельно с началом русско-турецкой войны национально-освободительное восстание в Дагестане имело международное значение.

ЛИТЕРАТУРА

- Маркс и Энгельс. Собр. соч., тт. VIII, XV, XXIII, XXIV; Архив Маркса и Энгельса, т. VI.
- Маркс и Энгельс. Т. II, III, IV, V, XV, XVII, XVIII, XIX, XXV.
- Михайлов, Марксизм и национально-колониальный вопрос, Партиздат 1934 г.
- Михайлов, Вопросы ленинизма, Партиздат, 1934 г.
- М. И. Калинин, Доклад на Чрезвычайном XVII Всероссийском съезде съездов.
- Мухоморов С. Исторические записки об управлении Кавказом, тт. I, II, Тифлис, 1877 г.
- Мухоморов С. Историческое обозрение Дагестанской области, вып. II, Тифлис, 1887 г.
- Мухоморов С. Историческое обозрение Дагестанской области со времени образования ее в 1801 г., Тифлис, 1863 г.
- Мушкетер по Дагестану*, Тифлис, 1871 г.
- Материалы Кавказской археографической комиссии*, тт. XI, XII, Тифлис, 1904 г.
- Обзор сведений о кавказских горах*, вып. I, II, III, IV, Тифлис, 1872 г.
- Дагестанский сборник*, тт. I и II, Петровск, 1910 г.
- Сборник сведений о Терской области*, вып. I, 1878 г.
- Черке А. П., Чечня и чеченцы, „Кавказский календарь“, Тифлис, 1866 г.
- Переселение горцев в Турцию, „Военный сборник“, № 10 за 1864 г.
- Несколько слов о будущей деятельности нашей на Кавказе, „Военный сборник“, № 8 за 1880 г.
- Свод военных действий и занятий войск на Кавказе летом 1863 г., „Военный сборник“, № 1 за 1864 г.
- Сборник статистических сведений о Кавказе*, Тифлис, 1869 г.
- Воскресенский П. Д., Обзор преобразования на Кавказе, „Русский архив“, т. 1 за 1865 г.
- Абдулла, Кавказские горы, Дело № 1, 1884 г. (переиздано отдельно в 1927 г.).
- Дюссерман, Фельдмаршал Барятинский, тт. I и II, 1890 г.
- Чернявский, „Русская старина“, т. 26 за 1882 г. и т. 27 за 1883 г.
- Чернявский, Кавказ в течение 25-летнего царствования государя императора Александра II (1855—1880 гг.), 1898 г.
- Александр Гасан, Асари Дагестан, Махач-Кала, 1927 г.
- Мухоморов А., Переселение горцев в Турцию, Ростов н-Д., 1925 г.
- Свод военных постановлений*, изд. 1860—1869 гг.
- Свод военных постановлений, тт. IV, X.
- А. С. Очерк восстания горцев в Терской области в 1877 г., 1896 г.
- Чернявский А. П., Восстание Чечни и Дагестана в 1877—1878 гг., Москва, 1878 г.
- Александр А. М., Восстание в Дагестане в 1877 г. (по рассказам очевидцев*), „Исторический вестник“, № 77, 1903 г.
- Материалы для описания русско-турецкой войны 1877—1878 гг., т. VI, ч. I, II, Тифлис, 1910 г.
- Петрова А., Заметки о восстании в Дагестане, „Кавказ“, № 114 за 1878 г.
- Петров А., Героическая защита кази-кумухского укрепления (1877 г.), „Кавказ“, № 246 за 1902 г.
- По повелению распоряжков в горах, „С.-Петербургские ведомости“, № 360 за 1877 г.

- Вискунов.** Описание боевой жизни 80-го пехотного Кабардинского полка при подавлении восстания горцев Терской и Дагестанской областей во время русско-турецкой войны 1877—1878 гг., Тифлис, 1882 г.
- Хроника восстания в Терской области, приложения к „Терскому сборнику“ за 1890 г.
- Военное положение в Терской области, „Кавказ“, № 97 за 1877 г.
- Движение в Чечне и Ичкерии, „Тифлисские ведомости“, № 27 за 1877 г.
- По поводу беспорядков в горах (разговор с горцем), „Тифлиссский вестник“, № 223 за 1877 г.
- По поводу восстания кавказских горцев, „С.-Петербургские ведомости“, № 360 за 1877 г.
- Приказ командующего войсками Терской области ген. Свистунова от 1 декабря 1877 г. о действиях войск при усмирении мятежа Терской области, „Терские ведомости“, № 51 за 1877 г.
- С Северного Кавказа - об усмирении горцев в 1877 г., „Кавказ“, № 225—227 за 1877 г.
- Укрепление Ахты, Спб., 1898 г.
- О подавлении восстания в Терской и Дагестанской областях, „Тифлиссский вестник“, № 216 за 1877 г.

**Электронная библиотека
Института истории,
археологии и этнографии
Дагестанского ФИЦ РАН**

instituteofhistory.ru

ОГЛАВЛЕНИЕ

✓ Глава I. Дагестан — колония царской России	3—9
Глава II. Борьба дагестанских горцев за свое освобождение до восстания 1877 г.	20—34
Глава III. Начало восстания	34—42
1. Политические группировки в Дагестане накануне русско-турецкой войны 1877—1878 гг. Мероприятия царизма на случай возможного восстания	34—42
✓ 2. Подготовка и повод к восстанию	42—53
3. Развитие восстания в Чечне и начало восстания в Дагестане	53—61
Глава IV. Всеобщее восстание в Дагестане	61—77
1. Развитие восстания	61—77
2. Подавление восстания	77—84
Глава V. Заключение	84—88
1. Программа и тактика восстания	84—88
2. Причина поражения восстания	88—93
✓ 3. Значение восстания	93—97
Литература	97

Lp. 00